

Игорь Панков

Проснись в Атлантиде. Сон

18+

Игорь Панков

Проснись в Атлантиде. Сон

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Панков И. И.

Проснись в Атлантиде. Сон / И. И. Панков — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Мечты, как известно, имеют свойство сбываться. Но в каком кошмаре, могло привидеться то, что случилось с обычным журналистом Тимофеем Бойко, который по специфике своей профессии, в сибирской глубинке, сталкивается с сущностями иных миров. К тому же, эти самые сущности отчего-то имеют некие планы и на самого Тимофея. Однако от судьбы не уйдёшь и от себя не спрячешься. А если тебя изменяют на генетическом уровне, то и на краю земли, в данном случае в Антарктиде, достанет тебя мир параллельный. И не помешают тому никакие невероятные сущности, ни самые настоящие, хоть и ископаемые нацисты.

Панков Игорь Иванович. pankigo@mail.ru

Предисловие

Зима 1939

Слишком обыденно всё произошло. Слишком просто, что бы быть правдой. Просто и обыденно, если так можно говорить о смерти! Много раз ему приходилось видеть подобное, своими глазами, быть свидетелем чужой гибели. Может именно по этому, смерть стала обыденным делом? Что поделаешь? Война!

Только эта смерть, не шла не в какое сравнение со всем виденным ранее. Это была его собственная смерть!

Затухающее сознание, не позволило в полной мере, испытать боль, от развёрнутой взрывом грудной клетки. Мозг отрешённо наблюдал за произошедшим, осознавая, всю меру причинённого ущерба и вполне адекватно отдавал отчёт о губительной необратимости процесса. Вместо боли, пришло удивление. Почему после такого взрыва, он оставался на ногах и почему спокойно наблюдает за собственными внутренностями, вывалившимися из него и лежащими неприглядной кучей у ног. Почему-то было обидно и стыдно за то, что его найдут, в таком неприличном виде. Совершенно отстранённо, он увидел последние конвульсивные качки своего сердца, болтавшегося среди обломков рёбер и выдавившего из обезображенного тела остатки крови. Он наконец, начал оседать на колени. Как всё-таки не хорошо быть найденным в обнимку с собственными кишками. Он сделал последнее усилие и изменил направление падения, лишь бы подальше от грязной кучи.

Не так, совершенно иначе, он представлял свою собственную, героическую смерть. Да и не верил, ещё вчерашний школьник – Тимофей Бойко, в эту самую смерть, хоть и повидать за свою недолгую жизнь, ему пришлось немало. Даром, что война эта у него была первая.

Стекленеющий взгляд, уловил призрачное колыхание воздуха. Память встрепенулась, отгоняя приближающееся вечное забытьё, вытаскивая из умирающего сознания, что-то похожее, когда-то уже виденное. Между тем воздух начал уплотняться, принимая очертания некоего существа. Мало того, что мозг воспринимал происходящее отстранённо, он ещё напомнил собственному владельцу, об атеистическом воспитании, вбитом в него, социалистическим образованием, так как существо, явившее себя угасающему взору, иначе как дьявольским отродьем, назвать было нельзя. Уже на грани отключения сознания, Тимофей ощутил прикосновение когтистой лапы к своему обескровленному лицу. После чего его бесцеремонно, но бережно, подняли мощные лапы. Огнём обожгло душу сожаление, его потащили прямым в ад! Неужели он прожил свою недолгую жизнь, как-то не так и не заслужил ничего лучшего, на том свете?! Не могло ангельское создание, каким представляется нашему воображению, существо, приближённое к Богу, иметь столь ужасную внешность. И вслед за ужасом от происходящего, память сделала неожиданный скачёр, в начало этой, оказавшейся последней в его жизни, зимы.

– Красноармеец Бойко, поступаете в распоряжение старшины Гринёва.

– Есть! – Тимофей только что прибыл в свою часть, для дальнейшего прохождения службы. Молодое, необстрелянное пополнение, состояло в основном из недавних рабочих Ленинграда. Так уж получилось, что единственным, по настоящему молодым и к тому же не из города Ленина, был Тимофей. Родом из Сибири, потомственный охотник, он как нельзя лучше других подходил для этой зимней войны. Потому сразу по прибытии, был определён в группу разведчиков, старшины Гринёва.

– Значит, говоришь белке в глаз? – не отставал Гринёв с расспросами.

В штабной землянке помимо них, присутствовали ещё двое. Командир стрелковой роты Терещенко и комиссар НКВД – Михайлов. НКВДэшник и комроты по большей части молчали, вопросы задавал в основном Гринёв.

– В глаз значит? – повторил старшина, свой вопрос.

– А как иначе? – простодушно отвечал Тимофей. – Если не в глаз, мех попортишь, кому дырявая шкура нужна?

– Понимаете, рядовой, тут вам не белок, не соболей бить предстоит. – Неожиданно заговорил Михайлов и слушавшие Тимофея, Гринёв и Терещенко, как-то вдруг посерьёзтели. Не смотря на должности, сразу стало ясно, кто главный, в подобного рода разговорах. – Соболей с белкой тебе пулей не ответят. У тебя родители тоже охотники?

– Ну, отец конечно, у нас почитай вся деревня охотники. Мать всё больше по дому. Летом в колхозе, а зимой по дому работы хватает. Мы ведь с отцом из лесу не выходим. Зимой самая пора.

– Значит, зимой вы в колхозе не работаете? – неожиданно повысил голос НКВДэшник.

– Как же? У нас хозяйство то лесное, пушнина в колхоз и идёт! А как иначе? – простодушные молодого сибиряка подкупало и обезоруживало. Гринёв и Терещенко облегчённо вздохнули. Но чекиста этот факт, ни сколько не успокаивал. Молодой птенец железного Феликса, окрыленный горячей мечтой, избавить ряды красной армии, от враждебных элементов, с завидным упорством гнул свою линию, выискивая своим холодным мозгом, аргументы, не в пользу бесхитростного молодого богатыря – охотника, сидевшего напротив него, словно на допросе.

– Скажи боец, а давно твоя семья живёт в Сибири?

– Да всегда там жили. – Не без удивления произнёс Тимофей. – И дед, и прадед коренные сибиряки.

Неожиданно, Михайлов понизил голос и едва ли не ласковым голосом, спросил:

– А отец твой случаем по неграмотности, Колчаку не служил? Ведь с кем не бывает? Времена то трудные и непонятные были. Был, небось грешок? Тайга, глухомань, и всё такое...

Комиссар едва успел договорить свою разоблачительную и пылкую речь, как огромный кулак новобранца, снёс со стула его откормленное тело, врезавшись в нижнюю часть его холодной головы и лишь чудом не прекратив бестолковое биение горячего сердца. Никто из присутствующих, не ожидал такой быстроты от могучего парня. Было невероятно, что два опытных бойца, коими по праву считали себя старшина и комроты, проморгали движение тела весом в центнер и полёт пудового кулака.

– Ты что боец, мать твою так! Под трибунал захотел? – Уже в полете зарычал Терещенко, едва поспевая за молниеносными движениями новобранца, который успел, склонился над поверженным хранителем заветов, незабвенного Феликса Эдмундовича и бесцеремонно оторвал его безвольное, отъевшееся тело от пола, причём поднял одной рукой и довольно легко. Не навались на Тимофея весь присутствующий командирский состав, имел бы чекист Михайлов не только холодную голову, но и всё остальное не по возрасту обрюзгшее от нелёгких трудов, тело.

– Ну, ты Бойко и дал! – Переводя дыхание, произнёс Гринёв, когда молодого бойца, совместными усилиями, оттащили от поверженного лейтенанта. – Это тебе не в тайге, медведей валить, это армия!

– А чего он про отца с дедом, говорит такое?! Они, между прочим, партизанили против Колчака! Отец ранен был, а Деда... Расстреляли деда! Колчаковцы, между прочим расстреляли! – Тимофей в сердцах махнул рукой.

– Ладно, старшина, уводи своего бугая от греха подальше. – С неожиданной улыбкой произнёс комроты. И посмотрев на отключённого комиссара, добавил, – Будем надеяться, что приложил ты его, охотник, как надо и память ему отшиб напрочь. Иначе, не быть тебе генералом, ибо съест оно тебя с потрохами твоими таёжными и не подавится.

– Пошли, непримиримый ты наш, партизан потомственный. – Толкнул Тимофея в плечо Гринёв. Уже на улице, старшина остановил его и глядя прямо в глаза произнёс:

– Михайлов, конечно, сволочь редкая, но он свою работу знает. И здесь тебе не на белок охотиться придётся, как ты уже слышал. Морды, старшим по званию, бить у нас не принято. Если под трибунал не попадешь, считай, тебе очень повезло. А я думал таёжники люди терпеливые, тем более охотники.

– Виноват, товарищ старшина, но за деда, голову оторву. – Упрямо заявил Тимофей.

– Не зарывайтесь, товарищ рядовой Красной Армии! Какой вы боец мы ещё посмотрим. А сейчас отдыхать! Завтра трудный день.

В том, что день трудный, Тимофей убедился ещё до рассвета. Группу своих разведчиков, Гринёв поднял в четыре часа утра и погнал прочёсывать окрестности. В сущности, не было необходимости, вытаскивать бойцов из постели среди ночи. Но приказы не обсуждаются. А командир роты, руководствовался простым расчётом, убрать с глаз долой, пряткого новобранца, пока всё не уляжется.

Целую неделю, Терещенко накачивал особиста спиртом. Кто-кто, а уж он, на собственном опыте знал, как легко можно угробить жизнь любому человеку. И не какому-то там новобранцу. Свежа была память о прокатившихся репрессиях, не пощадивших высший офицерский состав. Помнил майор и допросы на лубянке. И то, как у него самого, тогда чесались кулаки на холёное лицо следователя. Об этом, Тимофей узнал, много позднее, а пока, думать о последствиях возможной расправы, было некогда...

В сущности, Красная Армия, в финскую компанию, столкнулась с хорошо организованной, партизанской войной. То есть с тем, что с таким усердием, во время волны репрессий 1936 – 1938г.г. было усердно уничтожено, вместе со специалистами в области ведения подобных боевых действий. Финны прекрасно знали местность. Были отличными охотниками. А в искусстве маскировки им не было равных. Наши войска, столкнулись с яростным сопротивлением и в первую очередь среди местного населения. С детства обученный держать винтовку охотник, превращался в отличного снайпера. Известны случаи, когда один снайпер, укрывшись на дереве, мог сдерживать наступление целой бригады. Причём на поверку оказывалось, что снайпер не являлся кадровым военным. Порой подобное просто ставило наших бойцов в тупик. К примеру, однажды таким снайпером, сдерживающим наши войска, оказалась старуха финка. Она пряталась на дереве не одни сутки, имея из провизии только мешок с сухарями! Таких снайперов, окрестили кукушками.

Тимофею не впервой было прокладывать лыжню по глубокому снегу. Вот только лыжи, были совсем не те, что использовались дома. Для охоты у Тимофея были специальные, широкие лыжи, оббитые оленьим мехом. Широкие, чтобы не проваливаться в глубоком снегу, а мех, располагался таким образом, что позволял идти только вперёд, давая охотнику устойчиво стоять на ногах. Сейчас, на нём были обычные лыжи для спортивных состязаний. На таких, хорошо по проложенной лыжне ходить, а не по рыхлому снегу. Он то и дело проваливался по колено, но продолжал идти. Ведь следом за ним, идут его товарищи. Гринёв умышленно ставил Тимофея первым, не давая ему расслабиться. Хотелось проверить, насколько вынослив этот парень. Вот только проверка эта, выходила боком, для самого старшины. Шёл парень, как заведённый и казалось, не догадывался о таком понятии как усталость. Скорее наоборот, ему это нравилось. Тимофею действительно нравилось снова оказаться в своей стихии. Вот только часто приходилось останавливаться, дожидаясь постоянно отстающую группу. Не смотря на то, что он прокладывал лыжню, и шёл первым, по абсолютно непроходимой местности, его товарищи безнадежно отставали. Зато эти остановки, позволяли осмотреться, прислушаться к тайге. Как учил отец. Тимофей помнил всё до мелочей.

Ему не было и десяти лет, когда отец начал брать его с собой на охоту.

– В лесу, Тимоха, веди себя тихо. Пришёл, сначала прислушайся. Как птицы щебечут? Как ведут себя лесные жители? Сорока стрекочет, послушай! Не приближается ли кто? К лесу сын надо прислушиваться и вести себя тихо. Иначе не подпустит тебя зверь близко, не видать добычи неосторожному охотнику...

Тимофей в очередной раз остановился прислушиваясь. Группа отстала на приличное расстояние. Можно было даже перекурить, если бы он имел такую привычку. Охотничий промысел не позволял пристраститься к табаку. Слишком въедливый табачный запах, зверь за версту чует. Тимофей прислушался. Тихо, ни зверя, ни птицы ничего, что хоть как-то могло помочь обнаружить постороннего. Лишь лёгкий шелест хвои в кронах сосен, слегка тронутых слабым ветерком. Вот шишка упала в снег, вот вторая, падая задела сухую ветку. Звук в морозном лесу, слышен отчётливо. Только не может шишка, два раза щёлкнуть по одной ветке, причём и звук и направление абсолютно одинаковые. Тимофей почувствовал в ладонях зуд азарта. Грудь опалил огонёк, в предчувствии дичи. И сразу с той самой стороны, где только что чудила шишка, донёлся очередной, тихий и совсем не лесной звук. Звук хорошо смазанного металлического устройства! «Затвор!!!» Тимофей не дал себе и секунды на размышление. Руки всё сделали сами. Отлаженный механизм, его охотничьего тела, сработал, как когда-то в детстве...

«Он долго преследовал этого волка. Слишком долго, если не сказать больше. Сердце колотилось в горле ушах и груди, готовое выскочить на свежий воздух. Жутко хотелось пить, но мешок с провизией он давно бросил, что бы легче было идти, за матёрым зверем.

Тимофей остановился и прислушался, стараясь тише дышать, что бы, не мешать самому себе. Тишина. Скоро стемнеет, а до зимовья добираться часа три не меньше. И угораздило же его тягаться с этим волчищем? Тимофей выпрямился, снял с плеча ружьё и тут, услышал сначала посторонний шелест снега, а затем НЕ СВОЁ тяжёлое дыхание. На лыжах быстро развернуться не удалось и он, запутавшись, упал, одновременно нажав на курок. Волк успел прыгнуть, но приземлился уже мёртвым. Заряд картечи остановил прыжок хищника».

Тогда ему едва исполнилось тринадцать! Сейчас в свои двадцать он был гораздо опытней. Но и противник его теперь не зверь – человек!

– Что случилось? – хрипя после быстрого бега, на ходу спросил командир группы. – Кто стрелял?

– Я стрелял! Там снайпер. – Тимофей показал в сторону выстрела. Самому не очень хотелось идти смотреть на свою работу.

– Есть! Товарищ старшина! Есть снайпер! – услышал Тимофей, а вслух произнёс:

– Как не быть? Конечно, есть. Я почём зря не стреляю!

– Молодец Бойко! И как только обнаружил такого? Я и рядом не мог найти. Если б не его винтовка, в сугроб воткнутая, нипочём не найти.

Снайпер сидел в расщелине ствола огромного дерева, и абсолютно с ним сливался. К стволу он был привязан верёвкой, поэтому даже мёртвый, оставался сидящим в своём гнезде.

– Ну что? Рядовой Тимофей Бойко, я так думаю, пора в часть возвращаться? Командир, пожалуй, уже обработал нашего общего знакомого. – Заговорщицки улыбнулся Гринёв. Так закончился первый разведывательный рейд Тимофея.

«Обработка» особиста, действительно была проделана качественно. После недельных излияний, возвращение к жизни, было невероятно мучительным. С самого утра Михайлов атаковал медсанчасть, с целью разжиться спиртом. Приняв спасительные сто грамм, из фонда начальника мед службы, чекист с удовольствием наблюдал, как мир вокруг начал преобразовываться. Воздух стал чище, краски сочнее, а главное, собственное нутро, перестало беспричинно трястись, как испуганный заяц. Удивительно, как он мог не замечать раньше, столько симпатичных особей женского пола среди медицинского персонала. Взять хоть, к примеру, Людочку санитарку. Какие формы! Аппетитные ножки, словно мраморные, белеют из под халата, бюст так и просится в ладонь. Эх, ещё сто грамм и можно заняться девкой. Он протянул

стакан за добавкой, не без удовольствия ощущая, его увеличивающуюся тяжесть. Залпом проглотил содержимое и решительно покинул начальника медицинской службы, даже не поблагодарив за лечение. Впрочем, для старого хирурга, Якова Семёновича Лицкевича, уход особиста, был лучше любой благодарности. Он с вздохом поставил банку со спиртом на место и принялся перебирать инструмент, стараясь отвлечься от неприятных мыслей. После, слава Богу, редких встреч с подобными индивидуумами, хорошее настроение надолго покидало доктора.

– Людмила, позвольте сегодня быть вашим Русланом? – услышал Яков Семёнович, начинающую заплетаться, речь Михайлова, за стеной.

– У нас Черномор строгий, к тому же работы много. Некогда сказки слушать. – Хирург улыбнулся, услышав насмешливый ответ молодой санитарки. Но особист не думал отступить и похоже запас шуток и «интеллектуального» красноречия у него, уже иссякал.

– Черномор мне не указ! – гордо заявил пьяный вояка. – Мне никто не указ! Пойдём ко мне, не пожалеешь. – Пора было спасать девчонку. Яков Семёнович решительно распахнул дверь и громко, чтобы слышало как можно больше народу, приказал:

– Ерофеева! Сегодня ассистируешь мне, готовь операционную.

– Я мигом, Яков Семёнович. – В голосе медсестры, слышались нотки благодарности.

«Так-то! Не указ ему Черномор.» – ухмыльнулся хирург и вернулся к инструменту. Никаких операций на сегодня назначено не было. Но любитель сказок, в его теперешнем состоянии, подвоха обнаружить не мог. Он пьяно махнул рукой и, пошатываясь, поплёлся прочь от санчасти.

Группа Гринёва, вернулась в расположение своей роты, аккуратно к обеду.

После разговора с Терещенко, Тимофей находился в приподнятом настроении. Не омрачало и происшествие, с особистом. Кстати сказать, того не было видно. Группа отдыхала после удачно проведенного рейда. Снайпера финнов, были если не основной, то, по крайней мере, серьёзной проблемой, для наших войск. Такие специалисты, каким оказался молодой охотник, были на вес золота. Но после инцидента с комиссаром, рота вполне могла лишиться такого бойца. Стоило Михайлову только дать ход, этому делу. Пока НКВДэшник находился не в том состоянии, что бы заниматься какими либо делами, кроме своего здоровья. Но так продолжаться долго не могло. Всё же дело это серьёзное, бить в Красной Армии старшего по званию, тем более комиссара НКВД, чревато трибуналом. Как спасти Тимофея, от неизбежного наказания, Терещенко придумать не мог. Кроме, пожалуй, того, что постоянно отправлять парня на задания. По сути, подвергая того опасности не меньшей, если не большей.

Тимофей вернулся из рейда с небольшим обморожением руки. Это были сущие пустяки, но повод отправить его в санчасть имелся, чем и воспользовался Терещенко. Тимофей, конечно недоумевал, почему его в приказном порядке отправили лечиться, но прослушав лекцию, о том что Красной Армии нужны абсолютно здоровые бойцы, подчинился. Его недоумение возросло, когда он услышал слова Гринёва, говорившего начальнику мед службы, буквально следующее:

– До полного выздоровления, этого бойца, просьба не выпускать, Яков Семёнович.

Тимофей, просто не мог знать, что начмед, уже был в курсе отношений, сложившихся у сибиряка с Михайловым. Потому ответ врача, его просто поразил:

– Мы, безусловно, приложим все усилия, в лечении столь сложного случая. Красноармейцу определённно необходим покой и должный уход.

Тимофей уже готов был возмутиться, по поводу, «сложного случая». Он не видел ничего необычного, в своём обморожении. Сколько на его счету было подобных случаев, этим медикам, просто не снилось! Но в этот момент, дверь распахнулась и вошла Людмила. Куда только

подевались те слова, готовые сорваться с языка? То, что говорили старшие товарищи, перестало иметь смысл. Он просто перестал их слышать. Для него, мир сузился до размеров этой девушки! Ничего не существовало вокруг, кроме неё! Огромные, синие, как утреннее небо и смешливые глаза, смотрели на него с нескрываемым удивлением. Она явно не ожидала увидеть у начальника мед службы, посетителей. Раскрасневшаяся от мороза, с выбившимися из под шапки, русыми волосами, в армейском полушубке, она походила на снегурочку, из детской сказки, а не военную медсестру. Смысл слов, говоривших рядом, Гринёва и Якова Семёновича, перестал доходить до сознания Тимофея. Сейчас, для него стало важным лишь то, что скажет она.

– Яков Семёнович, – едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, произнесла девушка. – Сан инструктор Ерофеева, по вашему приказанию прибыла. – Она старательно отводила взгляд от Тимофея, но это у неё плохо получалось. Молодой охотник, нелепо уставившийся на неё, чем-то притягивал взгляд и не давал сосредоточиться. А как хотелось выглядеть серьёзной! Однако стоило посмотреть на остолбеневшего Красноармейца, как предательская улыбка, растягивала лицо, делая тщетными, попытки придать себе строгости. Кроме всего прочего, сердце стало биться с непонятной для неё радостью, а лицо залил совсем уж бесстыдный румянец. Благо мороз добрый на дворе, на него можно списать, подобный неуместный, прилив крови.

– Это хорошо, товарищ санинструктор Ерофеева, что вы прибыли. Сделайте перевязку Красноармейцу Бойко и назначьте лечение. – Хитроватый прищур, выдавшего виды, пожилого доктора, говорил сам за себя. Не провести, старого сердцееда и дамского угодника. Уж он то, на раз определил причину обильного покраснения лица медсестры и что мороз тут совсем не причём, для него вовсе не было секретом. – Идите боец. Людмила специалист по обморожениям.

Из всего сказанного, для Тимофея важным было только то, что именно эта девушка, будет заниматься его лечением! Ещё, он теперь знал, как зовут самую красивую девушку на свете. Людмила! С тех пор это имя, прочно завладело его душой

Приближалось главное событие этой зимней войны. Прорыв, так называемой линии Маннергейма.

Тимофей только что вернулся из очередного рейда, и как уже стало, заведено, отпросился на часок в санчасть. Цель его визитов, давно не была ни для кого, секретом.

Как не странно, но комиссар НКВД Михайлов ни разу так и не вспомнил тот случай с новобранцем. То ли действительно от удара у него отшибло память, то ли спиртовые вливания оказали должное воздействие. Не исключено и то и другое. Но после того случая, Михайлов вообще не был похож на стандартного последователя теории беспощадной борьбы с «вредителями». Казалось, что его больше беспокоило состояние дел в нашей медицине, нежели в войсках.

– Скоро будет большой приток раненых, а у вас личный состав распустился. Занимается невесть чем! – Вот уже с полчаса, Михайлов ходил по пятам за начальником медицинской службы, проедаая плешь никчёмными разговорами. И всё вроде было в порядке, пока дотошному чекисту, не попалась на глаза, парочка, медленно прогуливавшаяся среди деревьев. Давно ставшие привычными, для всего медицинского персонала, посещения Тимофеем санчасти, буквально коробили Михайлова. Яков Семёнович пристально посмотрел на особиста и от него, не укрылось, странное выражение его лица. Некая смесь презрения и страха. «А ведь ты боишься этого парня!» – подумал доктор, с удивлением. Но вслух сказал:

– Дело молодое, пусть гуляют. Война ведь, кто знает, что завтра будет? А к приёму раненых у нас всё готово, товарищ комиссар.

– Готово-то оно готово, а расслабляться нельзя! Прекращайте этот балаган! Не на курорте! – Михайлов круто повернулся и быстро зашагал прочь.

«Давно бы так. Путаешься под ногами только. Всё вынюхиваешь чего-то». – Подумал Яков Семёнович. – «А парня ты всё-таки боишься. И поделом. Людмилу не мешает предупредить, что-б поменьше на глаза попадались. От этого прохвоста всего ожидать можно!»

Тимофей под локоть поддержал Люду, когда та, сойдя с тропинки, неожиданно едва не по колено, утонула в сугробе.

– Осторожно! Снег глубокий, полные валенки наберёшь. – Он до сих пор, чувствовал себя неловко в обществе этой девушки. Потому и слова всегда получались неуклюжие. Тимофей ненавидел себя в такие минуты. Хочется сказать, что-то нежное, а получается, будто оглоблей машешь.

– Ничего, не сахарная. И не набрала вовсе. – Люда никогда не подавала вида, что замечает его угловатость. Понимала, что за видимой неотесанностью, скрывается добродушная, бесхитростная личность, с чистой душой, не способная обидеть слабого. К тому же личность эта, дай ей волю, носила бы её, такую тонкую и начитанную натуру на руках, не позволяя не только ноги намочить, но и просто утруждать, эти самые ноженки, лишний раз. А случись, посерьёзней беда, то закроет собой, не задумываясь.

– Хорошо здесь, совсем как у нас в Сибири. – Тимофей глубоко и шумно вздохнул, наслаждаясь свежестью воздуха.

– Слушай Тимка, а у вас в Сибири есть шаманы? – неожиданно спросила Люда и остановившись, пристально посмотрела ему прямо в глаза. Тимофею на миг подумалось, что от такого взгляда, можно и захлебнуться чистейшим, лесным воздухом. Всегда, когда она вот так, как теперь, смотрела на него, своим бездонно – синим взглядом, ощущения были похожи на неожиданно вылитый на голову, ушат ледяной воды.

– А как же? Конечно, есть. У Бурят это само собой! Только теперь им мало верят. К чему это ты?

– Девчонки говорят, здесь у карелов тоже шаманизм процветает. Шаман тут нойда называется. Они говорят, будущее могут предсказывать. – Последние слова, Люда произнесла шёпотом. То ли боясь, что этот нойда, может услышать, то ли кто-нибудь из своих. Не хватало, что бы её, комсомолку, кто-нибудь из товарищей по партии услышал!

– Есть много друг Горацио на свете, что и не снилось нашим мудрецам. – Задумчиво сказал Тимофей

– Что – что? – удивлённо уставилась на него Людмила. Она никак не ожидала от него, таких познаний в литературе. А то, что он вот так, между прочим, может процитировать Шекспира! Это, совсем не в какие ворота не лезет! Вот вам и тайга дремучая!

– А, это я так! – Тимофей заметно стусевался.

– Ты знаешь Шекспира? – спросила Люда и тут же об этом пожалела. Тимофей ещё больше смутился и уставился себе под ноги.

– У нас в деревне фельдшер живёт. Вот у него и брал книжки разные. – Совсем по-детски признался Тимофей. Людмиле, почему-то безумно захотелось обнять этого здоровенного парня. Но она вернула разговор к шаманской теме:

– Может, сходим? Посмотрим? Интересно ведь!

– Почему бы и не сходить? – Тимофей приободрился, довольный тем, что Люда не стала заострять внимание на его познаниях. Не так уж много ему довелось прочитать. У неё, наверное, в городе больше возможностей было, иметь хорошие книги. Не то, что у него. Про то, что фельдшер был, как теперь говорили – враг народа, вообще упоминать не стоило. Хотя, что мог сделать плохого, старый больной врач, он никогда не понимал. – Давай сходим. Если шаман настоящий, он и правда может много чего про жизнь рассказать. И болезни лечить может разные.

– Ты что в это веришь? – удивилась Люда

– Почему нет? – наивно посмотрел на неё Тимофей. – У нас они лечат, почему у саамов не могут?

– Ты серьёзно?

– Конечно. Ты ведь сама говорила, девчонки говорят, значит тоже, верят. Не один я такой доверчивый. – Тимофей улыбнулся. – Да и как мне не верить, если меня самого такой шаман однажды лечил?

– Лечил?

– Лечил. Меня тогда в тайге буряты нашли совсем плохого. Ничего, выходили!

– А что случилось? – немного испугано спросила Люда.

– Да ничего особенного. Заряды, на охоте, не вовремя кончились, от волков на дереве отсиживался, вот и замёрз. – Смеясь, пояснил Тимофей. А девушка, представив весь ужас произошедшего, в порыве прижалась к его груди.

– Сколько тебе тогда лет было? – пряча своё лицо в его шинели, спросила Люда дрожащим голосом. Близкие слёзы, готовы были брызнуть ему за пазуху, стоило лишь представить, совсем маленького мальчишку, одного среди страшной тайги, замерзающего на дереве. В то время как волки, окружив его, щёлкают клыками.

– Четырнадцать. Но бестолковый был! – Тимофей рассмеялся. – Ох, и попало мне тогда, за то, что один на волков пошёл. – Он осторожно обнял её за талию, стыдясь собственной наглости и в то же время, боясь спугнуть, нечаянный порыв любимой девушки. Так и стоял бы, не выпуская, хоть всю жизнь!

– Маленький ведь совсем, как выдержал?

– Я себя ремешком к дереву привязал, вот и не падал.

Людмила, нехотя отстранилась и, подняв на него свой, наполненный ужасом взгляд, прошептала:

– Замёрз, не встретила бы такого!

– Ну не замёрз ведь. – Постарался говорить, как можно мягче Тимофей и вытер её мокрую от слёз щеку, своей шершавой рукой. – Говорю ведь, буряты меня нашли. Они у нас знаешь, как тайгу знают? О – го – го! Кого хочешь, отыщут. Бояться нечего! А шаман, правда, лечил хорошо. Видишь, какой здоровый получился?

– Теперь и я в них поверю! – Наконец улыбнулась Людмила. – Сходим?

– Пошли. Мне самому интересно, у местных, так же как у наших, или нет?

Как не странно, местный нойда, оказался, довольно молодым человеком. Во всяком случае, совсем не старым. Он довольно сносно говорил на русском языке, и первое, что услышали Тимофей и Людмила, ни как не походило на приветствие.

– Долго, однако, жду, от чего не приходили раньше?

Людмила недоумённо посмотрела на своего спутника.

– Он нас с кем-то спутал?

– Не думаю. Он просто ЗНАЛ, что мы придём. Не удивляйся, похоже, он действительно хороший шаман.

– Холодно, однако. Пошли в избу. – Не обращая внимания на разговоры пришлых людей, открыл вход в своё жилище шаман. Молодые люди последовали за ним и сразу оказались в полной темноте. Вход и потолок избушки, были слишком низкими, Тимофею пришлось сильно пригибаться. Чтобы не набить себе шишек, он некоторое время стоял у входа, ожидая, когда глаза к темноте привыкнут. По мере привыкания, Тимофей начал различать, нехитрое убранство, шаманской землянки.

– Зачем стоишь, солдат? Сядь. – Указал шаман, на грудку шкур в углу. – И ты девка, садись.

В землянке стоял жуткий запах, от плохо выделанных шкур. Тимофею это напоминало собственное зимовье, в период заготовки пушнины и он просто старался не обращать на это внимание. А для жительницы города, Людмилы, запах был просто невыносим. Она села рядом с Тимофеем и прикрыла нос рукой.

– Чем это так воняет? Псиной какой-то, что ли? – Стараясь дышать ртом, тихонько спросила она.

– Шкуры это. Не обращай внимания. Скоро привыкнешь. – Улыбнулся Тимофей.

Шаман открыл дверцу буржуйки, которую Тимофей только теперь заметил. Жар от углей, осветил красным, тусклым светом, и без того смуглое лицо аборигена.

– Вижу, не болезнь привела вас ко мне. Знать хотите, однако. – Шаман, как будто сам с собой разговаривал, между делом, подкидывая в печь дрова. Пламя, жадно принялось облизывать поленья, а в землянке стало заметно светлей.

– Мы, уважаемый, будущее узнать хотим. – Смело заявила Людмила, для приличия убрав руку, от непривычного носа. – Вы про будущее знаете?

– Будущее? Я не знаю про будущее. Духи знают. Если просить хорошо, может, скажут. – Шаман неторопливо набил трубку и закурил. Он долго молчал, потом встал, сорвал со стены, пучок какого-то растения и бросил в огонь. – Духи говорят, плохо будет! Совсем скоро плохо.

– А что плохо то? – Не вытерпела Люда.

– Не говори! Я слушаю! – строго посмотрел на девушку шаман.

– Тихо, не мешай ему, он с духами говорит! Что надо он сам скажет. – Объяснил Тимофей шёпотом.

От печи, шёл сладковатый запах. Вероятно, это тлело то самое растение, брошенное шаманом. Во всяком случае, этот запах, был приятней запаха шкур. Девушка облегчённо вздохнула и положила, свою голову, Тимофею на плечо. Теперь в землянке казалось хорошо и уютно, даже не смотря на то, что нойда говорил о чём-то плохом. Она чувствовала, что засыпает. Вероятно, это так казалось с мороза. Окружающее не переставало существовать, как это бывает, когда засыпаешь. Просто сама обстановка, была похожа на сон.

Для Тимофея, ощущения были знакомыми. Всё, вплоть до запахов, напоминало о бурятском стойбище, из далёкого детства. Это ему нравилось. Казалось, что и не было ничего того, что произошло с ним после выздоровления. Что он до сих пор находится в стойбище бурят.

Неожиданно, нойда запел. Это даже была не песня, а монотонное мычание. Тимофей попробовал сосредоточиться, как учили буряты, и закрыл глаза. Но вдруг почувствовал, как Люда, сильно вздрогнула и схватила его руку. Он открыл глаза и замер в изумлении. Мозг отказывался верить в то, что видели глаза. Тело перестало слушаться, и даже пошевелить рукой, оказалось невозможно. Прямо перед ним, согнувшись в три погибели, стояло огромное и страшное, невиданное существо. Не понятно, каким образом, это чудовище, вообще поместилось в маленькой землянке и тем более, откуда оно взялось? Его огромная, вытянутая голова, лишённая какой либо растительности и ушей, склонилась над парализованным Тимофеем. Страшные челюсти, неприкрытые губами, с острыми зубами, были вывернуты таким образом, что двигались, параллельно земле, с боков, совсем не так как у людей и всех известных Тимофею, животных. Проще говоря, у чудовища имелись, левая и правая челюсти, а не верхняя и нижняя. Шаман продолжал мычать, свою непонятную песню, сидя около печи и совершенно не обращал внимания, на появившегося гостя. А чудовище молчало и только, странно вертело головой, разглядывая, таких беззащитных, для него, людей. Люда совсем притихла и лишь сильно сжимала, руку Тимофея. Он же, как ни старался, не мог пошевелить и пальцем. Но как не странно, страха не было. Только чувство собственной беспомощности. Даже когда чудовище, протянуло к его лицу, свою уродливую лапу, пальцы которой были увенчаны когтями, больше похожими на ножи, у Тимофея не дрогнул ни один нерв. Он отнёсся совершенно спокойно и к тому, что пятерня монстра легла ему на лоб, а когти буквально впились

в затылок. Это продолжалось всего несколько секунд, а затем произошло нечто совсем странное. В уши ударил нестерпимый, оглушающий свист. Чудовище, стало таять в воздухе, словно превращаясь в клочки дыма, а затем исчезло, не оставив и следа. Остался, разве что странный запах, то ли запах чудовища – призрака, то ли того самого зелья, которое нойда бросал в огонь. Как только наваждение исчезло, а в том, что это плод воображения, Людмила не сомневалась, сразу вернулась способность двигаться. Она без раздумий, бросилась к Тимофею. Он обнял девушку и успокаивая погладил по голове.

– Всё кончилось милая, всё прошло.

– Ты тоже это видел!? – Удивлённо спросила она. – Я думала у меня галлюцинации.

– Похоже, мы оба видели одно и то же. Или у нас были одинаковые видения. Если это можно назвать видением. – Тимофей ощупал свою голову, ещё чувствовавшую прикосновение, страшной лапы. На затылке, он нащупал то место, куда впивались острые когти. Боль была несильная, но он все же поднёс руку к глазам и увидел на пальце, небольшую капельку крови! – Не похоже на галлюцинации.

– Ты ранен? – Девушка принялась осматривать его голову. – У тебя кровь! Немного, правда, но нужно обработать. Вдруг у него когти ядовитые?

– Пустяки. Лучше давай у шамана узнаем, что это было? – Тимофей показал, на всё ещё сидящего у печи нойду. Тот, казалось, не видел ничего вокруг. Но это оказалось не так. Как только, его гости обратили на него внимание, шаман заговорил:

– Дух великого воина, приходил. Саам Воин! Не хорошо, когда он приходит. Беда будет! Совсем скоро будет! Тебе девка, скоро сын будет. Отмечен сын твой Саам Воином! Весь род его теперь отмечен. Всё сказал. Больше не велено говорить! Теперь идите, однако.

Оказавшись на улице, Тимофей с удовольствием вздохнул полной грудью. Люда тоже не могла надышаться чистым воздухом. Оказавшись в привычной для себя обстановке, в окружении леса, всё произошедшее с ними, казалось не более чем сном. Причём, не кошмаром, а простым сном. Это приключение, сейчас их скорей забавляло. Бесшабашная молодость брала своё. Лишь глубоко в душе, занозой сидели слова саамского нойды, «Беда будет! Совсем скоро будет!». Но грело душу и следующее заявление шамана. Люда невольно улыбнулась. Она скоро станет матерью. Нойда не сказал, кто будет отцом её ребёнка, но кажется, она сама уже это знает! Девушка неожиданно остановилась и потянула задумавшегося Тимофея за рукав. Он подался к ней и их губы, слились в первом для них поцелуе.

Счастливая парочка, долго кружила вокруг деревьев, не желая возвращаться в часть. Но время неумолимо. Пора было вернуться, к обычной жизни. Не дай Бог, их отсутствие, будет обнаружено начальством.

– Где вы пропадаете? – с напускной строгостью, спросил начальник медицинской службы, едва загулявшая парочка, переступила порог лазарета. – Михайлов уже рвёт и мечет! Несколько раз приходил, всё пытался вынюхать, где вы находитесь! – Когда Яков Семёнович увидел на лицах молодых людей, счастливые улыбки, сменил гнев на милость, ему всё было ясно без слов. – Я ему сказал, что отправил тебя Людочка к поварам, а вас молодой человек, велел её сопровождать. – Совсем тихо произнёс доктор. – Теперь идите, он в любую минуту вернуться может.

Но едва он произнёс последнюю фразу, в дверях появился чекист, собственной персоной.

– Красноармеец Бойко, вы, почему не в расположении своей роты? – Лицо Михайлова, на глазах стало пунцовым.

– Товарищ комиссар, красноармейцу требуется медицинская помощь. – Выступила вперёд Людмила. – Сейчас я его перевяжу, и он вернётся в свою роту. Идёмте Бойко. – Она направилась к выходу. Тимофей последовал за ней. Однако Михайлов не унимался.

– Бойко, после перевязки, подойдёте к командиру роты, он определит вам наказание. – Сказано это было, с оттенком презрения, но Тимофей не стал обращать на это внимание. Бурк-

нув положенное «Есть», он даже не остановился. Такое пренебрежение, собственной персоной, взбесило чекиста, он задёргался, как ужаленный, но не сказал, ни слова, просто выбежал на улицу. Яков Семёнович долго наблюдал в окно, за его нервной, удаляющейся фигурой.

Терешенко, своим командирским приказом, определил Тимофея под арест. Сделал он это, только для того, что бы удовлетворить, неведомо почему, взбесившегося Михайлова, намереваясь в скором времени, отправить Бойко на задание. Но часовой, носивший арестованному завтрак, доложил, что Бойко заболел. Михайлов лично проверил донесение. Красноармеец действительно, метался в горячке и находился в полубессознательном состоянии. Он бредил, вероятно, от сильного жара. Михайлов, даже с некоторым облегчением, приказал перевести его в санчасть.

Всё время, пока Тимофей находился без сознания, Людмила не отходила от его постели. « Так вот о чём предупреждал шаман!» Вспомнила девушка. « Значит, это и есть та самая, страшная беда? А если Тимофей умрёт?» Она изо всех сил, старалась не думать о плохом. Но от этих мыслей, сложно было избавиться. Человек, при упоминании имени которого, солнце светило ярче, а на душе становилось тепло и невероятно хорошо, находится на грани жизни и смерти! Это просто не выносимо! Впервые в жизни она по-настоящему поняла, что любит! И ребёнок, которого предрекал ей нойда, не может быть от кого-то другого. «Миленький, поправляйся, пожалуйста!» Повторяла она всякий раз, когда подходила к его постели. «Мне не жить без тебя!» Долгих три дня она не находила себе места. И все три дня, Семён Яковлевич, старался не загружать её другими делами, кроме ухода за этим парнем, невесть каким образом, умудрившимся так быстро, свалиться в горячке.

Тимофей пришёл в себя, так же неожиданно, как и заболел. Самым невероятным, было то, что он абсолютно ничего не помнил! Арест помнил. Помнил, как укладывался спать, постелив себе соломы. А проснулся почему-то в лазарете. И это было приятной неожиданностью, потому что рядом на стуле, положив свою, красивую голову, на его постель, тихо спала Людочка! Он осторожно дотронулся до её волос, но чуткий сон девушки, слетел, как пух одуванчика от порыва ветра.

– Тимка, миленький, очнулся! – Она упала на него, покрывая лицо, очумевшего парня, поцелуями.

– Как я здесь очутился? – не выпуская её, из объятий, поинтересовался Тимофей.

– Ты что, совсем ничего не помнишь? – Люда пристально смотрела прямо ему в глаза, И он впервые увидел в её взгляде, озорных чертенят. – Это, наверное, шаман тебя заколдовал!

– Может и шаман, а может... Не поверишь, абсолютно ничего! Уснул арестантом, а проснулся... – он не договорил. Люда перебила на полуслове:

– Моим мужем! – прошептала она и забралась к нему под одеяло...

Потом было наступление. Совсем ненужное наступление.

С финнами был подписан акт о сдаче Выборга. Но по приказу товарища Сталина, всего за несколько часов, до добровольного оставления города, финскими войсками, Советская Армия пошла в наступление. К чему, а главное кому, понадобились лишние жертвы, красноармейцам никто объяснять не стал. Приказ есть приказ. А вопрос так и остался без ответа. Только в этой, лишённой всякого смысла мясорубке, оказался и Тимофей. И именно в этом бою взорвалась его последняя мина.

“ ...Поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтоб он был поражён и умер.” В.З. 2-я царств, гл-11:15.

Дикий нечеловеческий вопль, разорвал окрестности Выборга. Так кричит зверь, почувствовавший свою погибель. Ещё так может кричать человек, потерявший всё, даже надежду. Этот дикий, душераздирающий крик, был последним, что слышал Тимофей. И когти, подобные ножам на лапах державших его тело, было последним, что он чувствовал. Ещё он понимал, что этот зверь, отчего то скорбит именно по нему. И прежде, чем сознание погрузилось в кромешную и окончаттельную темноту, он вспомнил свою Людочку.

– ПРОСТИ! – шевельнулись безмолвно губы. И он покинул этот мир!

Наши дни

Глава 1

Год на год не приходится. Последний месяц этого лета, доказывал данное высказывание с энтузиазмом депрессивного алкоголика. Определённо, можно с уверенностью утверждать, что осень в этом году, началась уже в первых числах августа.

Тяжёлые и плотные туманы, ежедневно окутывали окрестности небольшого района, одного из многочисленных, затерянных в глухой, сибирской тайге. Низкие тучи облизывали верхушки деревьев и почти постоянно сыпали мелкой, противной моросью.

Климатическая зона, расположения этой страны, наверное, сама собой предполагает, или жаркий солнечный сезон, до полного сожжения очередного урожая. Либо абсолютную сырость, до полного сгнивания оного.

Старики жаловались на ломоту в костях, а молодежь, та, что в это трудное время живёт преимущественно охотой, поговаривала, что если так пойдет дальше, вся дичь улетит в тёплые края, не дождавшись охотничьего сезона. В наше трудное беспокойное время (а когда собственно в этой стране были другие, спокойные, времена) для многих сибиряков, живущих в основном охотничьим промыслом, это грозило голодной зимой.

Потому не было покоя егерям с лесниками. Что ни день, то гонка по буреломам и болотам за очередным браконьером. Этот год выдался урожайным, на отнятые ружья и обезвреженные капканы. Погода, как никогда влияла, на поведение людей. Лишь немногие могли уловить непосредственную связь изменения климата с человеческим фактором. В России это сложно сделать, потому как во все времена, народ находил утешение в горячительных напитках. И что характерно, чем труднее жизнь, тем больше пьют. Казалось все должно быть наоборот, ан нет – Россия!

Для капитана Терешкина, участкового Большереченского района, это августовское промозглое, пасмурное утро, выдалось на редкость мерзопакостным. Дело было даже не столько в том, что этой ночью, пришлось принять на грудь, солидную, даже для него, далеко не слабого человека – дозу алкоголя, сколько несвоевременный и ранний приход его помощника, молодого сержанта Петрушина. Сейчас этот ретивый служака, стоял у входа в капитанскую спальню, смотрел на своего начальника, бешено выпученными глазами, не в состоянии изъясняться членораздельно.

– Стёпа, ты охренел в такую рань? – рычал Терешкин, силясь заставить свой мозг адекватно воспринимать действительность. Впрочем, не ожидая вразумительного ответа от тяжело дышащего сержанта, сделал тому знак рукой, погодить с докладом. Опустил с кровати ноги и как был босиком и в трусах, прошлёпал в кухню, напрямик к холодильнику. Открыв дверцу, долго шарил мутным взглядом по его внутренностям. Наконец осознав, что ищет, достал ещё не остывшую, после утренней дойки, трёхлитровую банку молока. Умница жена, знает, чем мужа лечить, после нелёгких трудовых будней. Банка открылась с лёгким хлопком, а живительная влага полилась в многострадальное капитанское нутро, словно оно, это самое нутро, было набито раскалённым песком.

Вернув ополовиненную банку в холодильник, Терешкин вернулся в спальню и, усевшись на кровати, уставился на всё ещё топтавшегося в дверях Петрушина.

– Ну, давай, неугомонный. Рассказывай. Что тебя принесло в такую рань?

Сержант уже явно успокоился, хоть продолжал смотреть бешеными глазами.

– Там, товарищ капитан, это, нашли его.

– Ты, Стёпа, брось эти свои замашки армейские, – сморщился Терешкин, имея в виду обращение по званию, он терпеть, не мог этого официоза, считая себя в первую очередь простым мужиком добрым соседом своим односельчанам. – Давай, по-человечески, по порядку. Не суетись.

– Да, я того, до сих пор мандраж! Даже колотит, как с похмелюги!

– Во-во, Стёпа, пить надо меньше, особенно на халяву – назидательным тоном, перебил его Терешкин.

– Дык, я вроде не перебрал! – взгляд помощника сделался невинным. Терешкин к своему стыду вспомнил, что именно Степан довёл его, своего начальника, совсем обессилившего от обильного возлияния, до дома.

– Ладно, выкладывай, что там у тебя.

– Да, что там рассказывать? В общем, нашли его, Петрович.

– Что ты всё мямлишь, говори толком, кого нашли?

– Дык, Ваньку нашли! Кого же еще – недоумённо пролепетал Степан.

Терешкин начинал приходить в себя, но от этого лучше не становилось. Он зябко поёжился, предчувствуя нехорошее. До него стало доходить, с какой вестью принесло сержанта с утра пораньше. Это, в восторг не приводило.

Дня три назад к нему, как к участковому, пришла Валька Петрова, жена соседа Ивана, местного рыбака и охотника. Пришла, как сейчас Степан, с абсолютно диким взглядом. Кричала, умоляла найти пропавшего мужа. Собственно тогда он не придавал значения её причитаниям, посчитал это элементарным женским бзиком. К тому же, Иван и Валентина, недавно сыграли свадьбу. Он помнится тогда даже шутить пытался, мол, поживёте годик – другой, попроще будешь относиться к мужниным загулам. Но Валька будто взбесилась тогда. Найди ей Ивана и всё тут, сон, мол, плохой она видела, чувствует, случилось с ним страшное что-то! Капитан взялся тогда за поиски, только чтобы её успокоить. Собрал местных охотников, кто леса здешние хорошо знает. Теперь, вот уж как третьи сутки, с ними километры наматывал. Только без какого либо результата. Как в воду канул Иван. И что, вроде конец эпопеи?

– Ну, что замолчал, где нашли? – Терешкин суеверно побоялся, спрашивать, живого или нет, нашли Ивана.

– Дык там и нашли, где вчера, того... закончили поиск. Почитай в самом болоте лежит. Мужики сейчас там, тебя ждут, Петрович. Я предупредил, чтобы не трогали ничего, не топтали шибко.

"Труп значит" – подумал Терешкин. "А могли вчера найти, да темно уже было. Не решились мужики в болото, на ночь, глядя лезть."

– Ох, грехи наши тяжкие. – Он тяжело вздохнул. – Надо в область сообщить.

– Я уже позвонил, – Преданно выпятил грудь Степан.

– Вперёд батьки в пекло лезешь? – недовольно проскрипел Терешкин, намекая на то, что это обязанность начальника, с областью переговоры вести, а не какому-то сержанту. – Что там теперь скажут, сопляки убийства раскрывают, а чем это участковый занимается?

– Да, ты что Петрович, я ж сказал, что ты там, в лесу, на месте происшествия. Что я не понимаю, что ли? – Обиделся Степан.

– Ладно, – смягчился Терешкин – сейчас я, оденусь только.– Он стал натягивать свои форменные брюки. С области люди приедут, надо соответствовать, участковый всё-таки какая никакая, а власть.

– Да не убийство это Петрович, – Вдруг продолжил Степан.
– А что утоп? Его в болоте выловили?
– Нет, не в болоте, рядом лежал, в мох головой уткнулся и лежал.
– Ты что же хочешь сказать, что молодой, здоровый, к тому ж не пьющий парень вот так взял и помер?
– Да ничего я не хочу сказать, – начал психовать сержант, – только нет на нём серьёзных ранений.
– Ты что тело осматривал? – Посуровел капитан
– Петрович, – почему-то перешёл на шёпот Семён. – Я тебе вот что скажу, не обошлось это дело без нечистой силы. Странно там всё. Видимых повреждений на теле нет, а говорю я это потому, как голый он. Шмотки свои сам вокруг разбросал.
– Голый? Не жарко, вроде, нынче. – Заметил удивлённый Терешкин. – Ладно, нечего гадать на кофейной гуще. Поехали, на месте разбираться будем.
Они вышли на осклизлое от влаги крыльцо. Как бы ни было мерзко, находиться под постоянно сыплющим липкой моросью небом, а делать нечего, работа есть работа. Оба представителя местной власти, обходя грязные лужи, направились к стоявшему за воротами милицейскому УАЗу.

Глава 2

Скрипя рессорами, бедолага УАЗик, едва продираясь к месту происшествия. Раскисшая, в связи с постоянной непогодой дорога, была под силу, разве что тракторам. Сержант мужественно пускал машину вброд, через многочисленные ручьи и глубокие лужи, наполненные мутной жижей, каждый раз рискуя основательно завязнуть. Бедный автомобиль, гордость советского автопрома, натужно гудел и урчал, словно жаловался на свою нелёгкую долю. Однако доехать так и не смог. Подступы к болоту были совсем не проходимы. Застряли они прямо посередине огромной лужи. Все сержантские усилия выбраться из этой западни, не дали результата.

Матеря на чём свет стоит Степана с его самоуверенностью и проклятую непогоду, Терешкин выбрался из автомобиля прямо в воду. Как водится, по закону подлости, попал напрямик в яму. Не помогли и сапоги с высокими голенищами. Ледяная вода хлынула внутрь, вызвав очередную порцию отборной ненормативной лексики.

Отмахав пешком, изрядное расстояние, хлюпая водой в сапогах, проклиная всех и вся, вместе с комарьём, своей невезухой, да дерьмовой погодой, Терешкин, в сопровождении своего верного "Санчо Пансо" – Степана, к неопишуемой радости, пьющих от безделья и стресса, таёжников с тучей вьющегося, не смотря на дождь – болотного гнуса, вышел на знакомую по вчерашней попойке, поляну.

– Всё пьянствуем? – беззлобно спросил он мужиков, отбиваясь от комаров берёзовой веткой.

– Ага, похмеляемся, Петрович. Будешь?

– Нет, погожу пока. Сейчас областные прикатят. Потом. Всё не выпивайте. И давайте, показывайте, где...?

– Тут, рядом, Петрович. Пойдём.

Ведомый Степаном с охотниками, Терешкин вышел к болоту. Зрелище, представшее его взору, было действительно странным и непонятным.

Окрестные кусты, примыкающие к воде, пестрели Ивановой одеждой. Куртка, штаны, рубаха, кальсоны, даже пардон трусы, были небрежно раскиданы по колючим кустам. Один сапог лежал рядом с одеждой, а второй сиротливо торчал из заросшей мхом кочки, неподалеку от неприятно, мертвенно белеющего тела, уткнувшегося лицом в желтеющий мох.

– Он что за бабой тут гонки устроил? – спросил Петрович, ни к кому не обращаясь – Что за нетерпячка такая у мужика?

– Брось ты, Петрович, ерунду городить, – махнул рукой охотник – какая баба в этой глухомани? Разве, что русалки да кикиморы болотные. – Лицо мужика растянулось в пьяной улыбке.

Петрович передёрнул плечами при виде неуместной в данной ситуации, оскаленной в улыбке, пьяной физиономии охотника. Он даже не стал подходить к телу, ни к чему лишние следы оставлять, а направился в сторону похмеляющихся мужиков. "Странное это дело", думал капитан, "с чего ради, нормальному человеку, далеко не в жаркую погоду, взбрело в голову срывать с себя одежду и как срывать! Будто впрямь торопился, не то за бабой, не то жарко нестерпимо стало. Да какое там жарко к едрене фене!" Он с тоской посмотрел на небо, где не было видно даже намёка на чистое небо, а из низких туч нескончаемо сочилась влага.

– Может его убрать отсюда, – предложил один из охотников – вдруг солнце пригреет, а он тут уже вторые сутки.

– Не надо ничего здесь трогать. Следаки приедут, пускай сами разбираются. Какое к шутам собачьим солнце? Пусть полежит. Немного осталось. – Распорядился капитан и удивлённо добавил: – А ведь правда, третьи сутки пошли, как же его зверьё не тронуло?

– Говорю тебе, Петрович, не чисто здесь. – Вставил Степан.

Капитан лишь окинул его суровым взглядом. Не хватало ещё за ведьмами охоту устраивать. Но место и впрямь было жутковатое. Даже птиц не слышно. Он осторожно, чтобы не продолжать тему, начатую Степаном, спросил:

– А, что мужики, тут на болоте всегда так тихо, или это вы всё зверьё разогнали? Смотрите, с егерем шутки браконьерские не пройдут.

– Да, бог с тобой Петрович, какое браконьерство? Вон, даже Иван и тот без ружья был. Чего только искал здесь? А птиц действительно не слышать чего-то.

Все невольно прислушались. Невиданная, для леса тишина, была настолько непривычной, что во взглядах мужиков явственно читалось недоумение, а кое у кого страх. Вот так всегда и бывает, стоит кому-то обратить внимание на некую странность, как все её сразу замечают. А ведь ещё минуту назад, никто не видел ничего необычного. У всех вдруг разом, будто ватой уши набили от этой тишины. Стелящийся по болоту туман, казался теперь каким-то неестественным, не туманом вовсе, а скорей живой густой субстанцией, преследующей свои зловещие цели. Растительность, живущая на болоте, скрытая этой субстанцией, принимала необычные – ЖИВЫЕ формы. Явственно ощущалось ЧУЖОЕ присутствие и недобрый взгляд. Капитан готов был поклясться, что вопреки ветерку дующему от леса, этот туман наоборот двигался от болота! Медленно, но неуклонно, молочное марево подбиралось к телу, лежавшему, почти на границе суши и болота.

Чтобы как-то снять напряжение, не хватало ещё сейчас паники с бегством, дюжины здоровых мужиков от места происшествия, вот смеху-то будет потом. Капитан сказал:

– Ну, чего притихли? Налейте что ли водки, помянуть Ваньку надо.

Все как-то враз пришли в движение, засуетились. Участковому протянули стакан, в котором плескалась огненная жидкость. Кто-то протянул корку хлеба с ломтиком копчёного сала. Не говоря ни слова и не дожидаясь остальных, Петрович опрокинул содержимое в рот. Горло обожгло, а по телу прокатилась приятная горячая волна. Едва все выпили, в лесной глуши послышался гул двигателей. Напряжение окончательно спало.

– Ну, наконец-то, едут. – Выдохнул кто-то из охотников. – Как только пробились по грязи такой?

Скоро на поляну, в сопровождении мотоцикла "Урал", одного из охотников, предусмотрительно оставленного Степаном в деревне встречать начальство, выехал УАЗ, набитый

людьми в штатском, а за ним следовала "нива". Капитан мысленно поблагодарил Степана, за то, что тот оставил проводника для областников. Сам он об этом с утра даже не подумал.

Между тем приехавшие, деловито, со знанием дела, стали осматривать место происшествия, что-то замерять, фотографировать. Странно, но опрашивать свидетелей, никто не торопился. Даже к нему, как к участковому, отчего-то у приезжих, не было никаких вопросов. Это обстоятельство несколько озадачило участкового. Хотя он был даже рад такому повороту событий. Сейчас, ему совсем не хотелось общаться с начальством. Хотят, пусть сами разгребают это дрянное дело. В конце концов, начальству видней. Но тут другое, увиденное им отвлекло от этих размышлений. Краем глаза капитан отметил, что надвигавшийся на сушу туман, приостановил своё наступление. Он не делился ни с кем своими наблюдениями, не хватало, чтобы его обвинили в вере во всякую чертовщину. Но про себя он злорадствовал по отношению к туману или к тому, кто им прикрывался "Что не нравится? Не достать тебе Ванькиного тела". И вдруг услышал позади себя тихий голос:

– А туман-то встал, как только следаки приехали.

Капитан обернулся и увидел стоявшего рядом Степана.

– Тоже заметил, что туман странный? Глазастый!

– Да не я один, мужики обратили внимание ещё раньше.

– Советую помалкивать, мало ли со страху, что почудиться может? Ещё подумают, что мы тут всей деревней на голову слабые. Зачем нам это?

– Петрович, видишь мужик с таким большим фотоаппаратом?

– Ну. – капитан уже обратил внимание на этого человека. Он бросался в глаза тем, что держался особняком, занимаясь своим делом.

– Я его как-то по телеку видел. Он этот, как его... а – специалист по этим, по ненормальным явлениям. Во! – Степан важно поднял вверх палец.

– Не ненормальным, а паранормальным, – едва сдержал улыбку капитан. Степан был отличным исполнителем, хотя не блистал эрудицией, что, в общем капитана устраивало: – Выходит не одни мы со съехавшими крышами.

– Глянь, Петрович, а туман будто боится его вспышки.

Действительно, после каждого щелчка затвора фотоаппарата, сопровождаемого мощной вспышкой, туман словно отодвигался вглубь болота. Конечно, это явление можно было отнести к оптическому эффекту или чему-то подобному. Но Терешкин прекрасно помнил, что ещё минуту назад, одиноко стоявшего деревца, среди тут и там торчащих из воды кочек, просто не было видно.

Меж тем, человек с камерой, закончил снимать, подошёл к своей "ниве", достал оттуда, довольно объёмный чемодан, из которого извлёк прибор непонятного назначения и стал колдовать с его кнопками. В это время Терешкина отвлекли эксперты.

– Мы, в общем закончили, сказал седой мужчина, снимая резиновые перчатки: – вот только тело придётся забрать. Поможете погрузить?

– Помочь, конечно, поможем, только жена у него молодая, для неё и так горе, а тут ещё тело забрали.

– Что поделаешь, причину смерти установит только вскрытие. Мы вам сообщим, когда можно будет его забрать. Сами понимаете, дело необычное.

С помощью охотников, тело Ивана, упакованное в пластиковый мешок, погрузили в машину. Следственная группа, как показалось Терешкину, слишком поспешно свернула свою деятельность, быстро собралась и укатила в область. Странно и неприятно было видеть, как знакомого тебе человека, пакуют в мешок, словно мусор. Участковый тяжело вздохнул. Он долго смотрел в след, медленно ползущему УАЗику, будто в трауре увозящему тело односельчанина. В груди защемила догадка, "Ох не видать больше Вальке своего мужа, даже в гробу не увидит. Слишком странное дело. Очень уж поспешно укатили областники".

Теперь у Терешкина появилась возможность понаблюдать за специалистом по "ненормальным" явлениям, как окрестил его Степан. А специалист тем временем, уже оставил свои приборы и обшаривал окрестности, наблюдая за двумя металлическими рамками, которые держал в руках. Это его занятие, показалось Терешкину скучным, не заслуживающим внимания. Хотя он прекрасно видел, что рамки вели себя довольно не спокойно. Они то сходились, то расходились, то начинали вращаться. В других обстоятельствах Терешкин засомневался бы в том, что этот человек не сам их вертит. Но сейчас...! Этот мужик никому ничего не демонстрировал! А значит, не врал. Зачем врать самому себе?!

А вот болото...! У капитана даже челюсть отвисла от изумления. Ещё пять минут назад, скрывающий болото туман, исчез! Всё пространство болота очистилось и вроде будто повеселело, обласканное непонятно откуда взявшимися, солнечными лучами. Даже комары исчезли. Такое впечатление, словно сама природа ждала, когда увезут тело. И вот дождавшись, облегчённо вздохнула, одарив землю вместе с суетившимися на ней людьми, долгожданным солнышком.

Наконец исследователь с рамками, закончил свои манипуляции. Он уложил инструмент, обратно в чемодан, после чего не спеша, подошёл к Терешкину.

– Извините, что раньше не представился. Меня зовут Тимофей. – он протянул Терешкину широкую ладонь: – Тимофей Бойко, корреспондент из Москвы. Вот собираю материал по всевозможным аномалиям.

– Я уже догадался, – слукавил капитан, невольно улыбаясь, вспомнив слова Степана: – капитан Терешкин, местный участковый, можно просто Петрович.

Мужчины крепко пожали друг другу руки. Капитану понравилось, умеренно крепкое рукопожатие, не безвольное, как у многих, и не показушно-сильное, как у человека, желающего похвастать своей силой. Сразу видно, этот человек знает свои возможности, уверен в себе. Вообще внешность Тимофея никак не подходила под то, что Терешкин думал о писательской братии. Перед ним стоял высокий, крепкий человек, лет сорока, с ясным взглядом голубых глаз. Чисто выбритое лицо словно вырублено, нет и намёка на кабинетный, или как нынче говорят – офисный лоск. Волосы острижены, под ёжик. В общем, довольно суровое лицо, только морщинки вокруг глаз говорили скорей о доброй и ироничной натуре.

– Интересно, как часто у вас происходят подобные случаи? – спросил Терешкина корреспондент.

– На моей памяти впервые. Всякое конечно бывает. Тайга ведь кругом. Бывало, заплутает кто, а то сгинет в тайге, зверь какой задерёт, ломает медведь там, или расамаха. Но чтобы вот так, как Иван, голый, да без следов насилия – никогда. Не хотел бы я чтоб меня так когда-нибудь нашли. Стыд– то, какой. Вот вы...

– Можно на ты, – перебил его Тимофей.

– Взаимно. Вот ты, судя по всему, повидал много чего непонятного. Как по-твоему, что здесь произошло?

– Трудно сказать. – Тимофей окинул взглядом болото: – Только аномалия на лицо. Приборы фиксируют повышенную электромагнитную активность. Говоря проще, мощный энергетический выброс, в общем, произошло здесь что– то, перед появлением охотника. С чем это связано, пока сказать не могу. Но то, что подобное может повториться – уверен абсолютно.

– Ты, Тимофей, сильно торопишься? Или утра дождёшься? – неожиданно спросил участковый – Просто сегодня ещё дел не в проворот, а поговорить, мы дома, вечером можем. Не против?

– Что ты, капитан! Я только за. – Принял предложение Тимофей.

– Тогда если не возражаешь, прокатимся на твоей ласточке в одно место и домой.

– Идёт, – согласился корреспондент.

Капитан обернулся и громко позвал:

– Степан! Хорош лясы точить. Иди сюда.

Когда Степан подошёл, Терешкин сказал:

– Ты, Стёпа, бери машину и дуй в отдел, позвони в область, передай, что следственная группа работу закончила и выехала. А мы с корреспондентом к егерю съездим. Что-то давно его видно не было. У нас тут труп, а он непонятно чем занят.

– Машину ещё вытащить надо, – Озадачено пробормотал Степан.

– Вот и займись этим, да побыстрей. Мужиков попроси, пусть помогут. Давай! Я если что – у егеря.

Действительно, егеря отсутствовал даже во время поисков Ивана. А происшедшее между тем, его должно было касаться в первую очередь.

Глава 3

Егеря – Роман Павлович Букарев, безбожно пил горькую и вот уже несколько дней к ряду, не выходил из дома, чего с ним ещё не случилось. Именно в таком неприглядном виде, нашли его корреспондент с участковым. Нечто подобное Терешкин ожидал увидеть, вот только причины, столь странного поведения, как не старался, найти не мог.

Ворота заимки, были наглухо закрыты, а при приближении посторонних, за ними раздался отчаянный собачий лай.

– Ничего – сказал Терешкин – это Лайма, старая егерская сука – лайка. Умная, надо сказать, собака. Сейчас Палыч услышит и откроет. Если собака дома значит егеря тут. Он без неё никуда.

Но время шло, а за воротами кроме собачьего брёха, ничего не происходило.

– Кажись торчать нам здесь, до второго пришествия – проворчал Терешкин и подёргал за створку ворот.

– Нет, Петрович, тут мы не пройдем, даже если откроем: – заметил корреспондент.

– Лады. Ты Тимофей отвлеки Лайму, а я с задков проберусь.

Тимофей остался и стал усиленно колотить в ворота, чем чрезвычайно злил, заливающуюся лаем собаку.

Между тем участковый, обошёл заимку, перелез через забор, но обнаружив входную дверь закрытой изнутри, залез в дом через окно.

Картина, представшая перед ним впечатляла, и представляла собой груды пустых бутылок на столе, а так же, мирно спящего под этим столом, егеря.

Терешкин не долго размышлял над дальнейшими действиями. Он прошёл в сени, взял с лавки ведро с колодезной водой и бесцеремонно вылил её на голову лесника. Когда тот, фыркающая и захлёбываясь начал приходить в себя, участковый открыл дверь, позвал Лайму, которая виляя хвостом, тут же вбежала в дом и стала облизывать мокрое лицо хозяина.

– Что, Лайма? Давно его не видела? – обратился он к собаке, но собаке было не до гостя. Оставалось идти открывать ворота.

– Вот, господин корреспондент, вы изволите видеть нашего егеря во всей красе. Чует моё сердце, ему есть о чём нам поведать.

Лицо егеря начинало приобретать осмысленное выражение, взгляд нащупал, наконец участкового, отчего он вдруг всхлипнул и с надрывом в голосе, вместе со слезами на глазах, произнёс.

– Петрович! Как я рад тебя видеть!

– Я это заметил. Так рад, что заранее нализался.

– Не в этом дело: – махнул рукой егеря, сделав неуверенную попытку подняться с пола, но у него не получилось, он едва не растянулся на полу, – тут такое творится, Петрович! Ты ведь знаешь, не злоупотребляю я этой гадостью. Но...

– Так, Палыч, вставай, приходи в себя, давай всё по порядку. – Участковый помог ему подняться, усадил на стул, стоявший у стены. Сам подсел к столу, предложил сесть корреспонденту. Они, приготовившись слушать.

Валентина Петрова, ещё прежде чем бежать за помощью, по поводу пропажи мужа, к участковому, успела побывать у егеря. Рассказав ему свою душещипательную историю про Ивана, про сон свой страшный, побежала упрашивать Терешкина, начать поиски. Букарев бредням молодухи не придал значения. Действительно, ну ушёл мужик на охоту, так что теперь панику поднимать? Единственное, что его действительно беспокоило, так это то, что Иван отправился на охоту, ещё задолго до начала охотничьего сезона, соответственно искать его надо, как браконьера.

Букарев не был бы егерем, если бы не знал, где в это время можно искать браконьеров. Как раз сейчас, на болотах, в плавнях, утка нагуливает свой основной, перед осенним перелётом, жир. Туда отправился Роман в первую очередь, на поиски Ивана.

Болото встретило егеря плотным туманом. Лохматые клубы, словно дым от пожара, стелились над поросшими сочной травой, кочками. Кое-где сквозь редкие просветы, виднелись отчего-то голые кусты. Ещё егерь обратил внимание на нереальную тишину, как будто уши ватой заткнули. И самое странное, это чувство безотчётного страха. Даже бесстрашная Лайма, жалась к ногам хозяина, поджав хвост. Странно было видеть собаку в таком состоянии. Ведь лайка не раз ходила на медведя и никогда не подавала признаков трусости.

Роман знал здешние леса, как собственное подворье. Он мог неделями не выходить к людям, обходя своё хозяйство. Но никогда в жизни он не испытывал ничего подобного. Страх сковал его тисками. Егерь занял позицию под прикрытием огромного вывернутого корня, не смея пошевелиться. Он лишь тупо вглядывался в окутанное, туманом болото. Роман не мог вспомнить, сколько так пролежал, только в какой-то момент, в просвете тумана, уловил, сначала призрачное движение, а затем увидел человека, идущего между кочек прямо по воде. То есть не просто по воде, а по поверхности, не утопая ни на сантиметр! Только это обстоятельство удержало егеря от того, чтобы не окликнуть идущего. Сначала Роман подумал о Иване, но тут в стороне появился второй, бредущий по воде аки посуху. И это были не люди! Вытянутый, яйцевидный череп, огромные, если не сказать больше, ушные раковины, большие как очки, чёрные глаза. Плечи узкие и длинные руки. Прежде чем вжаться лицом в землю от страха, Роман успел разглядеть, между пальцами на руках и ногах перепонки.

Кажется, он потерял сознание, потому что, придя в себя, увидел над головой ясное солнечное небо, а тумана и след простыл. Только теперь Роман обнаружил, что его челюсть ходит ходуном, а зубы выбивают такую чечётку, что кажется, этот звук разносится по всему лесу...

Глава 4

– В общем, как дома оказался, не помню. Успокоился только когда напился в стельку. – Закончил свой рассказ егерь и потянулся к бутылке.

– Да, Рома! Если-бы я тебя не знал, подумал о симптомах белой горячки, а так, не знаю что предположить: – сказал Терешкин. Перехватив бутылку налил водку в три стакана: – Ну, не чокаясь. – и влив в себя пойло, морщась спросил:

– Рома, с каких это пор, ты магазинную бодягу хлещешь? Или твоя хвалёная настойка перевелась?

– Обижает начальник, просто не хотелось на это дело хороший продукт переводить. К тому ж магазинная – дурная, с моей ни в какое сравнение. А мне, сам понимаешь, отключиться хотелось, как можно быстрее, – Егерь виновато смотрел на гостей.

– И что ты обо всём этом думаешь, Тимофей? – участковый повернулся к корреспонденту.

– История, конечно занятная, но не оригинальная. – Тимофей опрокинул в рот стакан. – Между прочим, в соседнем районе точно такое же происшествие. Только там два трупа нашли. Я оттуда, к вам со следственной группой приехал.

– То-то я смотрю, лишних вопросов они не задавали.

– Странность в этом деле я вижу только одну. Почему раньше таких случаев не было?

– Вообще, кто знает? Было или нет? – Терешкин налил ещё водки – Люди раньше тоже пропадали. А места эти всегда нечистью славились. Поговаривают, что Баба-Яга, лешие с кикиморами тут, приют нашли, от цивилизации спрятавшись. – Петрович ухмыльнулся и выпив наколол на вилку упругий маринованный грибок. – Кто знает..? Рома, ты сколько нас этой синькой травить собираешься?

– Сейчас, Петрович, я мигом. – довольный появлением гостей, егерь засуетился и исчез в сенях.

– Я тоже так считаю. На этот счёт даже кое-какие теории существуют. – придвинулся Тимофей – сказки тоже на пустом месте не возникают.

– Ты о кикиморах с лешими? – продолжая закусывать, спросил участковый.

– И о них тоже. – Тимофей опрокинул в рот стакан, после чего потянулся к закуске.

Букарев окончательно пришёл в себя, а к водке больше не притрагивался. Гостям он всегда был рад, а в данном случае особенно. Не смотря на неожиданный запой, в доме егеря всегда найдётся, с чем встретить желанных гостей. Надо сказать, что это не только спиртное.

Через несколько минут, тому, что находилось на столе, мог позавидовать любой ресторан. А ведь ещё не было горячего! Просто на приготовление требовалось время. Дело близилось к вечеру. Готовить было некогда. Но и того, что было, с лихвой хватало. Все соленья, егерь готовил, как истари велось, в бочках. Кто в курсе, понимает, это совсем не то, что в стеклянных банках.

Тимофей с участковым в изумлении замолчали, с нетерпением ожидая завершения Романовой суеты, вокруг стола.

– Слушай, Палыч, угомонись ты. Мы это всё никак не осилим, – поймал за руку егеря, участковый. – Садись уже.

Застучали ложки и вилки. Тимофей много попутешествовал и много чего видел и пробовал, но эти яства, не шли ни в какое сравнение с тем, что ему когда-либо приходилось отведать.

Казалось, здесь было собрано всё, что не может не понравиться настоящему гурману. Упругие грузди, маленькие и все как на подбор, одного калибра, будто братья близнецы. Хрустящие огурчики. Скрипучая, под пахучим рыжиковым маслом с нарезанным кольцами луком, квашеная капуста. Копчёная вепрятина, солёная по особому старинному рецепту чёрная и красная икра. Малосольный хариус и копчёная щука. Говорить о мочёных яблоках и помидорах уже не приходится. Пахучий домашний хлеб с хрустящей корочкой, сам по себе вызывал обильное слюновыделение.

– Палыч, а хлеб ты, что по пьянке пёк? – спросил поражённый Терешкин.

– Да, ты что Петрович, я и хлеб печь? Тем более в пьяном виде, никогда! Тут особый подход и талант нужен, я бы сказал женский талант. Это Афанасьевна меня снабжает. Одна бабка осталась, дед-то помер недавно, вот я ей, то рыбки, то мяса, а она хлеб, сам знаешь, Петрович, сизмальства печь умеет особый. Вы кушайте, вот балычок осетровый попробуйте.

– Мы попробуем, попробуем. Но я что-то не вижу твоей настойки хвалёной. – Терешкин подмигнул Тимофею.

– Вот ёлки-палочки, совсем ты меня Петрович заболтал. – Егерь снова засуетился и притащил огромную стеклянную бутылку, наполненную тёмно-бурой жидкостью. Тимофей вспомнил, что такую бутылку называют четвертью.

– Ну, давай, наливай, удиви гостей.

– Вы как хотите, а я больше, ни-ни. Хватит. – сказал Палыч разливая рубиновую жидкость по стаканам.

– Как знаешь. А нам грех не отведать. Когда ещё придётся?

Выпили и принялись уничтожать расставленные на столе яства. Только слышно было, хруст огурцов да капусты с груздями. Начали быстро управляться с мясом и рыбой. Брусничная настойка, требовала хорошей закуски. Какой там к лешему коньяк заморский, виски их сивушный или водка. Этому напитку, действительно, не было равных. Ни намёка на сивуху. Только приятный лесной запах. Что добавлял туда егерь, так и осталось тайной. Градусов шестьдесят в ней было точно, но пила как брусничный сок.

– Под такую закуску, не грех и по второй, – С трудом отвлёкся от еды Терешкин.

Надо сказать Тимофею тоже пришлось заставить себя перестать жевать, до того всё было вкусно.

– Вы с ней поаккуратней, – Заметил Букарев. – Пьётся она легко, но в голову шибает и в ноги, будь здоров!

Выпили ещё по одной. Снова застучали ложками.

– Всё, пока действительно погодить надо. Пускай усвоится, а то поговорить не успеем. – отложив недоеденный кусок вепрятины, сказал участковый. Меня вот что смущает во всей этой истории с Иваном, да и твоей Рома тоже.

– Я то что, слава Богу, жив остался. – Роман суеверно перекрестился.

– Вот именно! – Терешкин поднял вверх указательный палец.

– Ты что, хочешь сказать, что и я должен был того!? – округлил глаза егерь.

– Да, погоди ты, Рома! Я совсем не это имел в виду. То есть имел в виду не совсем это. Вот ты мне скажи, когда ты там наблюдал за этими, как их обозвать, даже не знаю.

– Пришельцами! – пришёл на помощь Роман.

– Ну, пусть будут пришельцами. В общем, когда ты за ними наблюдал, у тебя не возникало случайно, желания раздеться? Ну скажем, жарко стало или ещё что?

– Ты, чего Петрович, охренел? В такую погоду и жарко?

– Да, нет Рома, не охренел я. Иван перед смертью всю одежду с себя содрал. Так и помер – голый!

– Чего это, а? Петрович? – дрожащим голосом проговорил егерь.

– Вот и я спрашиваю, ЧТО или КТО заставил его раздеться?

– Мне кажется, – принял участие в разговоре Тимофей. – тут дело вот в чём. Эти, как вы говорите пришельцы, скорее всего, использовали некую силу, или устройство, для прохода в нашу реальность. Все знают что такое микроволновая печь?

– Конечно. Кто в наше время этого не знает? – Терешкин пожал плечами.

– Вон она стоит. – показал егерь на "микроволновку", стоявшую, как полагалось в кухне.

– Так вот, Иван просто оказался не в том месте и не в то время. Этот их переход в нашу реальность, скорее всего, сопровождался выбросом энергии, похожей на ту, которую вырабатывает "микроволновка".

– Я так понимаю, ты предполагаешь, что его элементарно поджарили? – Терешкин озадачено почесал затылок. – Но на нём никаких следов. Тем более ожогов.

– Вот поэтому я предположил "микроволновку". Конечно, не буквально, а как пример.

– Ну, это понятно, Тимофей. Не дураки, понимаем.

– Так вот! – Продолжил Тимофей. – Их переход, сопровождался сильным микроволновым излучением. А как действует это излучение? Оно разгоняет молекулы тела, на которое воздействует, то есть разогревает. Чем больше токопроводность этого тела, тем быстрее и сильнее разогрев.

– Что это нам даёт? – спросил Роман, не совсем понимая, о чём речь.

– А я кажется, понял твою мысль Тимофей. – Вставил Терешкин. – Получается, его сожгло изнутри!?

– Точно! Ответ на это могут дать те следки, которые забрали тело.

– Только я сомневаюсь, что мы узнаем у них правду. – Горько вздохнул участковый. – Теперь понятно, почему Ванька одежду с себя срывал. Это ж как он мучился! Всё изнутри сгорает, а ты поделаться ничего не можешь! Жуть!

– Но это, ведь какие технологии должны быть у этих тварей!? – Покачал головой, Роман. – Интересно, а почему тогда меня не сожгли?

– Причин тому, может быть много. – Тимофей задумался, а Петрович, воспользовавшись паузой, наполнил стаканы.

– Давай Тимофей, усвоилось уже.

Выпили и снова застучали ложками. Хоть давно уже все наелись от пуза. Но закуска при такой выпивке, сама просится в рот.

– Много причин говоришь? – Не унимался Роман. – Какие это могут быть причины, если Ивана сварили как кабана, а меня нет. Только страху нагнали такого, что в штаны едва не наложил.

– Вот смотрите, – Тимофей, вдохновлённый благодарным слушателем, дал волю своей фантазии. – Если мы опираемся на микроволновую теорию, то позволю себе предположить, что Иван и ты, Рома, столкнулись с разными расами. Предположим одна, чтобы не оставлять свидетелей своего здесь пребывания, просто уничтожает их с помощью микроволнового излучателя. В то время как другая, с помощью всё того же излучателя только отпугивает нежелательного свидетеля.

– То есть, как это можно просто отпугнуть и вреда не причинить? – изумился егерь.

– Очень просто. Если они владеют этими технологиями, для них это не составит особого труда. Человеческое ухо, воспринимает звук в частотном диапазоне от 16 Герц до 20 тысяч Герц. Всё что выше или ниже, мы не воспринимаем как звук. Мы это слышать не можем, но на уровне подсознания или на чисто физическом уровне мы способны воспринимать воздействие этих частот, кстати, в отличие от животных. К примеру, все слышали, как перед землетрясениями, животные стараются уйти из опасного места или ведут себя неадекватно. Это их поведение вызвано тем, что они слышат уже начавшийся катаклизм, задолго до того как его услышим мы. Человек может в этом случае испытывать некий дискомфорт. Ещё не понимает, что происходит, но как будто что-то предчувствует. Так вот если использовать не слышимые нами частоты, можно заставить человека бояться, или просто его убить. Это, смотря на каких частотах, и с какой силой воздействовать. Можно сказать проще, смотря с какой громкостью. Только громкость в данном случае понятие, не совсем подходящее, потому что звук этот, мы всё равно не услышим.

– Выходит, меня пугали звуком? – Казалось, Роман был возмущён этим обстоятельством.

– А тебе хочется, чтобы тебя чем-то другим пугали? Или как Ивана, насмерть? – мрачно пошутил Терешкин.

– Кстати, помнится ты, Петрович, вспоминал о Бабе Яге, кикиморах и леших? Так вот это может иметь к нашему делу прямое отношение.

– Интересно, каким это образом?

– А вспомните известный всем с детства, тоже сказочный персонаж – Соловей Разбойник. Чем он пугал и с помощью чего грабил честной народ на Муромской дороге? Правильно, с помощью свиста. То есть с помощью звука! А почему бы ни предположить, что Соловей Разбойник, как раз то самое существо, с которым столкнулся Иван и ты Рома?

– Да! И надо же? Похоже.

– В древних легендах, превращённых по большей части в сказки, много можно почерпнуть. Только там, это всё настолько завуалировано, что порой пока не встретишь каких-либо аналогий в современности, ничего не расшифруешь.

Они ещё долго сидели, вспоминая разные непонятные случаи, сопоставляли их со сказочными персонажами, спорили и соглашались друг с другом.

Спать остались у егеря, а поутру, Тимофей отвёз участкового в район, простился с ним и взял курс на Москву.

Глава 5

Таёжная дорога, это не какой-нибудь автобан. Благо проходимость у "Нивы" приличная, иначе бы совсем туго пришлось. Тимофей не первый год скитался по разным глухим уголкам страны, тайгу знал не понаслышке. Однако конец этого лета, выдался холодным и дождливым. Дорогу совсем развезло. Расстояние, на которое могло быть затрачено несколько часов, обещало растянуться на гораздо большее время. Движок выли и урчал, тщетно стараясь сократить это время. Но всему когда-нибудь приходит конец. Сначала из-под капота повалил пар, а затем во чреве железного коня, что-то виновато загудело, мотор чихнул и заглох окончательно. Тимофей самоуверенно вышел из машины, даже не подумав заглянуть под капот. По его прикидкам, километрах в трёх, должна была находиться деревня Петровка. Он бодро, хотя не без сожаления, собрав свои пожитки, встал, что называется, на тропу. Мокрая, после недавнего дождя хвоя, довольно густого ельника, весело искрилась на солнце. Тропа петляла в траве, выводя путника к людскому жилью. Тимофей уверенно и самонадеянно шагал, не подозревая о подвохе. Но так обычно и случается. Стоит только расслабиться, как обязательно нарвёшься на неприятности. Так оно и случилось. Тропинка, которая только что казалась надёжной, стала теряться, истончаясь и пропадая на глазах, пока окончательно не исчезла из вида. Лес из весёлого, умытого дождём, вдруг превратился в корявый, безжизненный. Тут и там приходилось продирается через бурелом. Наконец, уже порядком уставший, Тимофей увидел впереди, раскинувшееся жёлтое пространство болота. В этот момент Тимофей обратил внимание на буквально обрушившуюся тишину. Не стало слышно дятла, бодро выбивавшего дробь, исчезло весёлое птичье многоголосье. Безмолвная тайга, страшная штука. Так и ждёшь, что произойдет нечто нехорошее. Тимофей остановился, прислушался. Тихо. Чтобы не поддаваться эмоциям, он достал карту, и стал определять своё местонахождение. По его абсолютному убеждению, никакого болота здесь, быть не должно, по определению. Карта тоже не содержала никаких данных о его наличии. Вообще вокруг, километров на триста, судя по карте, никаких болот не наблюдалось. Резонно сославшись на топографическую ошибку, Тимофей срезал длинную, крепкую жердь, закинул рюкзак за спину и ступил на первую, зыбкую как холодец, кочку. Первые шаги, словно оживили болото. Оно шипело и качалось будто живое. Он едва удерживал равновесие, опираясь на свою жердь. Неожиданно, очередная кочка под ногой, ушла под воду, а он, потеряв опору, очутился по пояс в густой, липкой жиже. Тимофей вовремя успел положить жердь на топкую грязь, и опереться на неё. Стараясь поменьше помогать себе ногами, чтобы его не затягивало, он стал подтягиваться на руках пока не смог дотянуться до пучка жёсткой травы. Трава впивалась в руку, разрезая кожу до крови. Но всё же ему удалось вытащить себя из ямы. Он выбился из сил на столько, что долго лежал в жидкой болотной массе, слушая, как ухает в висках кровь, и не мог отдышаться. Он даже не замечал, как вода проникает через воротник, стекая грязными струями по спине.

Наконец отдышавшись, он поднялся. Ноги дрожали, руки судорожно продолжали сжимать жердь, а в голове занозой засела предательская мысль, повернуть назад. Только врождённое упрямство, и самолюбие не позволили этого сделать. Не хотелось сознаться самому себе в слабости.

Он ещё долго брел, едва удерживая равновесие на зыбких кочках. Падал, теряя под ногами опору, но неизменно вытаскивал своё измождённое тело, продолжая идти. Наконец, когда его нога ступила на твёрдую землю, он долго стоял, приводя в порядок дыхание и сердцебиение. А когда вышел на лесную опушку, упал в траву. Усталость была дикая. Но мысль, что он не сдался, выдержал этот путь, остался жив, билась в висках, окрыляя и наполняя грудь гордостью за себя.

Сколько так провалялся, он сказать не мог. Но когда встал, был готов идти, хоть ослаб на столько, что его слегка покачивало. Ноги предательски тряслись, а голова кружилась. Он осмотрел опушку, в поисках тропинки. Но не нашёл даже намёка на неё. Пришлось опять ориентироваться по карте, наметить маршрут. Не придумав ничего лучшего, Тимофей напролом вошел в чащу.

Оказалось, что по бурелому идти было не на много легче, чем по болоту, а так как обойти препятствие не представлялось возможным, приходилось терять последние силы. Впрочем, идти предстояло не долго, близился вечер. И как бы Тимофею не хотелось до темна, найти деревню, ночевать, все равно предстояло в лесу.

Не без труда, но ему всё-таки удалось найти подходящую поляну для ночлега. Благо с дровами проблем не было.

Кое-как собрав топлива на ночь, он разжёт огонь и, будучи уже полностью обессиленным, лёг спать, даже не поужинав. Усталость была такой, что он улёгся, не обращая внимания на промокшую насквозь одежду. Тимофей то и дело поворачивался, подставляя огню то один бок, то другой. Одежда парила, высыхая и согревая продрогшее тело. Стемнело довольно быстро. Тайга наполнялась ночными звуками. Вот прокричала сова, собираясь на ночную охоту. А вот её потенциальные жертвы – мыши, устроили возню, неподалеку от Тимофеева ложа. Всё это Тимофей воспринимал совершенно отстранённо. Огонь отгонит зверя. К тому же он всегда был согласен с мнением, что самым опасным зверем в тайге является человек. Но похоже в этой чаще, на многие километры, человеком и не пахло.

Однако, несмотря на все эти соображения, о чувстве собственной безопасности, в окружающем пространстве, что-то неуловимо изменилось. Будто воздух стал плотней. Дыхание сделалось трудным. Тело сковало непонятное напряжение. Тимофей замер и прислушался. Вокруг стало тихо. Не было слышно, ни единого звука и всё же, несмотря на ватную тишину, Тимофей кожей ощутил постороннее присутствие. Осознание этого, только усилило чувство собственной незащищённости. Но он продолжал лежать, не в силах пошевелиться. Затем он услышал невнятный голос, который казалось, звучал прямо в голове. Это было, что-то вроде далёкого шёпота, или клёкота, похожего на птичий. Понять смысл произносимого, он как не старался, никак не мог, вот только становилось совершенно ясно, что этот голос сковывал тело всё больше и больше. Но страхом это назвать было нельзя, скорей чувство скованной незащищённости. Он абсолютно не владел своим телом. Более того, скованность стала перерастать в давящую боль. Боль усиливалась с каждой минутой, сознание стало меркнуть. Тимофей как мог, пытался сопротивляться. Ему казалось, что если он поддастся чужой воле, то умрёт. Однако, силы были явно не равными.

Он вдруг увидел себя студентом, сидящим на лекции.

Преподаватель, был человеком неординарным, а лекции его, едва ли не, самыми посещаемыми. Профессор говорил со своими студентами, о том, о чём в то время вообще говорить не рекомендовалось.

– И так теперь мы знаем, что энергоинформационные поля существуют. Вопрос лишь в том, каким образом достать информацию этих полей. – Вот уже в течение получаса, профессор добивался внимания аудитории тем, что приводил в пользу своих доводов солидные аргу-

менты. Однако, не смотря на такие имена, как Платон, Эйнштейн, Нострадамус... аудитория смотрела на профессора с нескрываемым скептицизмом.

– Извините профессор, но если это так, то получается, что в нашем мире всё predetermined. – Тимофею хотелось не столько опровергнуть профессорские выкладки, сколько ещё более развернуть дискуссию.

– Именно так молодой человек.

– Но тогда нет ни какого смысла, что– либо изобретать, придумывать. Пропадает интерес ко всем произведениям искусства, то есть пропадает их уникальность. Ведь всё уже когда-то, или где– то было создано.

– Не переживайте молодой человек. То, что может произойти именно с вами, ещё ни с кем не происходило и никогда ни с кем не произойдёт, кроме вас. – По аудитории пробежал лёгкий смешок, но пристальный взгляд профессора, не позволил Тимофею поддаться общему настроению. О, этот взгляд! Он просто отделял сознание от всего окружающего. Тимофей уже не видел вокруг ничего. Он тонул... Вокруг всё перевернулось, изменилось...

Он не тонул, он плыл! И это ему нравилось. Под водой он всегда чувствовал себя в своей стихии. Особенно в присутствии своих друзей. Они всегда незримо сопровождали его во время прогулок. Он должен сам освоиться в этом мире. Иногда конечно им приходилось проходить барьер невидимости, в основном, когда ему нужна была их непосредственная поддержка, или когда он попадал в беду. Тогда в эти минуты он чувствовал себя, особенно хорошо. Их необычный вид несколько его не пугал. Скорей наоборот. Было забавно наблюдать, с каким изяществом и грацией, они владели своим огромным телом с длинными руками и ногами. Они были просто созданы для жизни в воде. Перепонки между пальцев рук и удлинённые перепончатые стопы, позволяли им плавать не хуже дельфинов. Только они были приспособлены даже лучше чем дельфины, или люди. Они могли дышать под водой и на суше. Вот только разговаривать с ними он не мог, понимать понимал, но говорить не мог. А они его прекрасно понимали, даже на уровне эмоций.

Место, где обычно ему позволяли выходить на берег, находилось недалеко от рыбацкого посёлка. Это было связано с огромным риском, встретить людей. Поэтому большую часть времени, он проводил в воде, не выходя на сушу. Но как ему этого хотелось! Люди, такие же, как он, сам, только взрослые и опасные, привлекали его. Он чувствовал родство с ними. Его неумолимо тянуло к себе подобным.

В этот раз, он отдыхал на камнях, появившихся из воды во время отлива. Эквины, так звали его друзей, плескались неподалеку, со стаей дельфинов. Это было дружеское общение. Эквины вообще были близки дельфинам.

Мальчик долго наблюдал за ними, пока его внимание не привлекла лодка, вышедшая в бухту. То были деревенские рыбаки. Он спрятался за каменным выступом и стал с интересом смотреть за действиями рыбаков.

Лодка отошла от берега на приличное расстояние, и рыбаки начали заводить сеть. Вероятно появление стаи дельфинов, подсказывало рыбакам, что в бухту вошёл косяк рыбы, и дельфины устроили на неё охоту. Отчасти это так и было. Небольшой косяк кефали, действительно привлёк дельфинов. Но рыбы было мало, и они увлеклись игрой со своими друзьями – эквинами. Он видел, что рыбаки подошли, на максимально близкое расстояние к заигравшимся дельфинам. Это было опасно для эквинов. Но, тем не менее, стая продолжала резвиться, а рыбаки тем временем, поставили сеть.

Ему нравились эти люди. Сильные, умелые, их действия просто завораживали, приковывали внимание. В его мире тоже были люди такие-же как он. Но там сама обстановка была другой. Сам его мир отличался от этого. Надо сказать, что этот мир казался ему много хуже своего. Но необычность этого, его люди, то чем они занимались, пленили его с самого первого посещения этого берега.

Вокруг лодки, неожиданно наметилось странное оживление. Дельфины стали вести себя, как-то странно. Эти мирные животные, доброжелательно относящиеся к людям, стали от чего-то агрессивными. Они едва не перевернули лодку. Только умение, и опыт рыбаков, не дали им этого сделать. Люди продолжали упорно вытаскивать сеть. Эта их настойчивость, была достойна уважения. Тем более, что дельфины совсем обезумели. Они продолжали бить в борта лодки. Выныривая из воды, перелетали через неё, норовя сбить кого-нибудь из людей. Чтобы лучше разглядеть происходящее, мальчик вылез из укрытия и взобрался на вершину камня. Тем более, что опасности быть замеченным не было. Сейчас людям было не до созерцаний местных красот. Едва удерживая равновесие в углу суденышке, они упрямо тянули сеть.

И тут он увидел причину безумства дельфинов. Рыбаки, краснея от натуги, тянули сеть, а в сети, запутавшись, тщетно пытаясь вырваться, бился Ларгос, один из эквинов, помогающих мальчику освоиться в этом мире. Ужас сковал юношеское сознание. Ещё немного и люди втянут пленника к себе на лодку. Он кожей почувствовал отчаянье Ларгоса и его подруги Лины, тщетно пытающейся порвать сеть. Как Ларгоса угораздило запутаться в сети, непонятно. Вероятно заигравшись с дельфинами, он потерял бдительность и попался. Но не это сейчас было главным. К чему искать причину несчастья, если оно уже произошло. Нужно было думать, как помочь бедному Ларгосу. Но что может сделать маленький мальчик? Тем не менее он спрыгнул в воду и не жалея сил поплыл к лодке.

Рыбаки к тому времени, уже поняли, какая добыча попала в их сети. Ужас отразился в лицах людей. Но вместо того, чтобы бросить сеть с добычей, они выволокли её на палубу и стали избивать несчастного эквина вёслами. Были слышны их ругательства и беспомощный клёкот Ларгоса. Мальчик не выдержал этого страшного зрелища и закричал:

– Не надо-о! Не трогайте его!

Но обезумевшие от испуга и ярости за свой испуг продолжали бить, не замечая ничего вокруг. Запах крови только усилил это безумство.

Наконец ему удалось достичь лодки, схватиться за борт, чтобы увидеть то, что происходило внутри. Он на миг увидал окровавленное тело Ларгоса, и ему стало плохо. Мальчик обессилено повис, держась за борт и наклонив лодку. В это время в противоположный борт посыпались мощные удары дельфинов и неустойчивое судно, наконец, перевернулось.

Мальчишка ушёл под воду. Он видел, как люди в панике поплыли к берегу, бросив лодку, вместе с добычей. А сеть с запутавшимся в ней Ларгосом, медленно пошла ко дну. Лина изо всех сил тянула своего возлюбленного на поверхность. Едва переведя дыхание, мальчишке снова пришлось нырнуть, спеша ей на помощь. Но их усилий было недостаточно. Тогда подошли дельфины, оставившие не опасных уже людей.

Нужно было срочно доставить избитого Ларгоса на базу. Только там ему можно будет оказать необходимую помощь и если удастся, спасти его жизнь. В том, что жизни эквина угрожает опасность, сомнений не было. У Ларгоса была разбита голова! Дело в том, что череп у эквинов, был их самым слабым местом. Слишком тонкие черепные кости, не оставляли им ни каких шансов на выживание при ударе по голове, даже если удар не сильный.

Так они и плыли, этой странной траурной процессией. Три дельфина, державшие в своих зубах сеть, молодой человеческий ребёнок и обезумевшая от горя Лина, в сопровождении остальной стаи дельфинов, которые то и дело сменяли своих сородичей, тащивших Ларгоса...

Тимофей проснулся и рывком вскочил на ноги. Он задыхался, будто только что пробежал не один километр. Ещё не осознав, где находится, он озирался по сторонам, но никак не мог прийти в себя.

Костёр почти прогорел, а Тимофей так продрог, что зуб на зуб не попадал. Дрожа от холода, а больше от пережитого сна, Тимофей принялся реанимировать потухший костёр.

Когда пламя основательно взялось пожирать сухие дрова, он водрузил над костром котелок с водой. Чай из брусничного листа, поможет согреться быстрее.

Тимофей подсел поближе к костру. Станный это всё-таки был сон. Ощущение полного присутствия! Тут он вспомнил, что предшествовало этому сну. Вспомнил страх, оцепенение, боль. И буквально физическое ощущение, постороннего присутствия. Но никто ведь не появился! А он просто уснул. Или это тоже было частью сна?

Окончательно запутавшись в собственных рассуждениях, он, выпив кружку приятно пахнущего напитка, лёг, подставив костру, оочевенную спину, и блаженно уснул. До рассвета оставалось совсем не много.

Остаток ночи прошёл без сновидений. Он проснулся, в такое время, когда свет едва начинает отвоёвывать у тьмы право на существование. Ещё не светло, но вокруг всё становится различимым, а воздух прозрачным. Это время, хорошо знакомо любителям рыбалки на "зорьке".

Снова пришлось разжигать огонь. Банка тушёнки с домашним хлебом, который с удовольствием, на грани хвастовства, вручил ему участковый Терешкин, были как нельзя кстати. Допив остатки чая, Тимофей стал собираться в дорогу.

Глава 6

Бурелом вскоре закончился, идти стало значительно легче. Если бы не вчерашние приключения, дорогу можно было считать приятной прогулкой. Вековые кедры и ели, могучими кронами подпирали облачное небо. Под ногами простирался ковёр из мха, перемешанного с прошлогодней хвоей. Хотелось снять армейские ботинки, порядком надоевшие за последние дни, пройтись босиком, наслаждаясь прохладой и мягкостью мшистого покрова. Уже казалось, не было вовсе, вчерашнего болота и ночных кошмаров. Усталость последних суток, испарялась с каждым шагом. Однако не хотелось попасть впросак, едва расслабившись, поэтому Тимофей не терял бдительности, постоянно озираясь по сторонам.

Ночные видения, не давали покоя. Как это часто бывает, сон уже давно выветрился из головы. Осталось лишь чувство беспокойства и тревоги, а еще понимание, что слишком уж стройным, даже логичным был сюжет этого сна. Странно осознавать, что сон ты уже не помнишь, а его необычность занозой засела в голове.

Однако сон, как не крути это всё-таки сон. Но то, что предшествовало ему, было куда более непонятным, в тоже время реальным, впрочем, как и сам сон.

В том, что перед сном, кто-то присутствовал у костра, Тимофей почти не сомневался. То, что ему снилось, было похоже на внушение. Во всяком случае, это было очень похоже на внешнее воздействие. Вот только кому и главное, зачем это надо? Тимофей терялся в догадках.

Неожиданно в голове возникли слова профессора:

– Не переживайте молодой человек. То, что может произойти именно с вами, ещё ни с кем не происходило и никогда ни с кем не произойдёт, кроме вас.

Были эти слова из сна, или вспомнились институтские лекции профессора Ковалёва, Тимофей точно сказать не мог. Только сейчас, здесь в тайге, он вдруг ни с того ни с сего, начал вспоминать ту лекцию.

Профессора иногда заносило в такие дебри, что Тимофей сомневался в том, что он сам в это верит. Однако его лекции пользовались особой популярностью среди студентов. Надо сказать не без оснований. Профессор рассматривал темы, помогающие пробудить воображение, с неординарным мышлением.

– Если рассматривать наш мозг, только с точки зрения хранителя информации, – говорил профессор, – мы неизбежно зайдём в тупик. Наш мозг, несомненно, нечто большее. А если связать его деятельность с энергоинформационными полями, то очень многое становится на свои места.

– Например?– Тимофея задело ироничное замечание профессора, высказанное в его адрес.

– Вот вы, молодой человек возмутились по поводу того, что если существуют энергоинформационные поля, то нет смысла что– либо изобретать. Становятся не интересными произведения искусства и тому подобное. В ваших доводах есть доля истины. Но только доля. Поверьте мне на слово, если бы вы, к примеру, жили в восемнадцатом веке и имели доступ к информации вселенной, вы никогда не смогли бы воспроизвести картины Сальвадора Дали, или реактивный самолёт. Увидеть – да. Воспроизвести – нет. Вспомните Леонардо Да Винчи, его ничего не объясняющие чертежи летательных аппаратов. Может когда-нибудь, нам удастся найти или расшифровать многие из них, но сейчас всё это выглядит как нечто абстрактное. Всё намного сложнее. Возможно именно по этому, не всем дано пользоваться этой информацией.

– Если принять эту вашу теорию, создаётся впечатление, что информация кем-то избирательно дозируется.

– Если вы к вопросу о религии, то это не ко мне. Моя теория проста. Наш мозг, помимо того, что сам является хранителем информации, ещё использует для хранения некое энергетическое поле, являясь своего рода передатчиком, антенной, радаром если хотите. Но это самое информационное поле, не подчинено каким – либо временным рамкам. То есть списанная в него информация является продуктом не только прошлого и настоящего, но так же будущего. В эту теорию многое укладывается. Великие предсказания пророков, вспомните тех же – Да Винчи или Нострадамуса. Сюда можно отнести даже шаманские практики и если хотите самого Христа.

– Слышали бы вас священники. Предали анафеме, да дело с концом. – Тимофей был заинтригован теорией профессора, тем более ему уже приходилось читать где-то нечто подобное.

– Слава богу, прошли времена инквизиции. Костра я не избежал бы, это точно, – Профессор грустно улыбался. А Тимофей вдруг вспомнил, что жизнь профессора и без инквизиции, была далеко не безоблачной. Он прошёл всю войну, в конце сороковых был репрессирован. Хлебнул сполна сталинских лагерей и только, в конце пятидесятых, был полностью реабилитирован. Солидная плата за свои убеждения.

– Однако хочу заметить,– продолжал профессор,– даже рискуя прослыть ярим еретиком, могу с большой долей уверенности предположить, что это поле для всех религий мира, может отождествляться с Богом. Впрочем, с дьяволом тоже.

Так что же произошло этой ночью?

Лес неожиданно сменился довольно большой поляной. Тимофей вышел на открытое пространство и огляделся. По его прикидкам он давно должен был выйти к деревне. Может, мимо прошёл?

Вдруг ему почудилось движение в чаще молодого ельника. Он по опыту знал, ещё со времён службы в армии, что в лесу все горизонтальные перемещения, гораздо сильнее привлекают внимание, нежели вертикальные. Поэтому его взгляд, среагировал на чьё-то движение. Не теряя времени, он пересёк поляну, как мог, быстро пройдя по лесу некоторое расстояние, спрятался в кустах. Вот когда пригодилась наука маскировки, вбитая в своё время в разведроту десантных войск. Он всегда считал, что службу прошёл не зря. В отличие от своих не служивших друзей, прикрывшихся военной кафедрой института. Тем более потерянными, эти два года, в отличие от них, никогда не считал. Подумаешь, на два года позже институт закончил. За то в отличие от тех же друзей однокашников, никогда не ныл во время длительных блужданий по тайге. В армии не такие нагрузки приходилось испытывать.

Он лежал под кустами и никак не мог вычислить того, кто так неожиданно привлёк его внимание. Если этот кто-то пытается скрыть своё присутствие, то это точно не друг.

Их было двое. По крайней мере двое осторожно пробирались огибая поляну. Шли след в след, будто по минному полю. Оба в длинных брезентовых дождевиках с капюшонами. Никакой поклажи не наблюдалось. Это достаточно странно для тайги, чтобы человек не брал с собой никаких припасов. Хотя возможно свои вещи они оставили в укромном месте, чтобы налегке, преследовать жертву. А в роли жертвы, получается, выступает он – Тимофей!?

"Ну, это мы ещё посмотрим!" Он переполз в небольшую ямку, откуда открывался наилучший обзор. Странная парочка, то останавливалась, прислушиваясь к лесным звукам, то продолжала осторожно продвигаться, с каждым шагом приближаясь к укрытию Тимофея. Напряжение с каждой минутой возрастало. Продолжая наблюдать за незнакомцами, он отметил нечто странное в их походке. Они шли как иноходцы! То есть, занося правую ногу вперёд, туда же вперёд шла правая рука! Обычный человек ходит наоборот, правая нога вперёд, значит, правая рука отмахивает назад. И ещё он заметил, что в руках оба держали какие-то предметы, нечто среднее между кастетом и каким-то оружием. То, что это оружие, сомневаться не приходилось. Эти предметы моментально направлялись в сторону малейшего шороха.

Тимофей пропустил парочку мимо себя, после чего, пригибаясь, начал своё преследование. Однако у этих людей чутьё было на высоте. Они заподозрили неладное едва он сделал несколько шагов. Парочка остановилась. Делать было нечего, он вышел на открытое пространство. Застигнутые врасплох, преследователи резко и невероятно синхронно обернулись.

Тимофей ожидал увидеть человеческие лица, но то, что открылось взору, повергло его в шок. Под капюшонами скрывались две, похожие друг на друга как братья близнецы, КАБА-НЬИ ГОЛОВЫ!

Шок был настолько сильным, что Тимофей пропустил нападение.

Ближе стоящий, кабаноголовый, с режущим слух визгом, ринулся в лобовую атаку. Только хорошая реакция, на уровне инстинктов, спасла от мощного столкновения. Нападавший пролетел очень близко, Тимофей успел разглядеть жёсткий волосяной покров на морде, влажный пятак и жёлтые, огромные клыки, торчащие из пасти. Настала очередь второго. После промаха своего товарища, он соображал не долго. Однако действовал так же прямолинейно. Чуть наклонившись, выставив вперёд толстый лоб, он со знакомым уже визгом, бросился в атаку. Казалось эти двое, совсем забыли о своём оружии. Или это не было оружием? В любом случае, пока кроме прямолинейного, даже можно сказать тупо – упрямого натиска, нападавшие ничего не предпринимали. Ему в очередной раз удалось увернуться от удара. Причём гораздо легче, чем от первого противника. Однако расслабляться было рано. Выпускать из поля зрения, странные предметы в их руках, тоже не стоило. Нужно попробовать завладеть одним из них. Но как это сделать? Это не нож и даже не пистолет, которые просто держат в руке. Это устройство, было одето на пальцы, наподобие кастета. Так просто его не выбить. Почему-то только сейчас пришла мысль, что пальцы у этих уродов, были вполне человеческие. Вообще, если не брать во внимание поросычьи физиономии, то всё остальное на первый взгляд вполне гуманоидное. Кроме, пожалуй, походки, но это уж кому как нравится.

"Хотелось бы знать, что вам ребята от меня надо?" Подумал Тимофей и неожиданно для себя, произнёс:

– Парни, может, поговорим?

Его слова внесли некоторое замешательство в ряды супостатов. Один из них как-то странно склонил голову на бок, будто пытался ухватить смысл сказанного и пристально уставился на Тимофея. В его мозгу явно происходила напряжённая работа. "Э-э, друзья, по-моему, я сейчас услышу шелест ваших извилин".

Однако умственное напряжение, не дало ни каких результатов. Воспроизведя несколько утробных звуков, похожих на поросычье хрюканье, оба кабано-джентельмена завизжали. Не мудрствуя лукаво, они повторили атаку. Их тактика не блистала разнообразием. То же тупо – настырное лобовое нападение, доказывающее ограниченность мозга и полное отсутствие фан-

тазии. От этого выпада, Тимофею снова ничего не стоило уклониться. Пока он не вступал в открытое противостояние. Хотелось изучить этих тварей получше. Ещё он понимал, раз это не люди, то ранить их, всё равно, что ранить настоящего кабана. А раненый кабан, непредсказуем и страшен. Опять же, нужно было решить каким образом разоружить хотя бы одного из них, пока они не додумались воспользоваться своим оружием. Он почему-то был уверен, что это всё-таки какое-то оружие. И последнее. Если эти твари настолько ограничены, если их мозг, недостаточно развит, если у них напрочь отсутствует фантазия, то наверняка, преследование Тимофея, это не их идея. "За этими болванами должен кто-то стоять! Хотел бы я знать кто!"

В это время два свина-товарища заходили на новую атаку.

– Итак, господа! – вслух произнёс Тимофей. – К консенсусу мы, вероятно, прийти не сможем. Что ж, будем считать переговоры на высшем уровне сорванными. Я умываю руки, господа!

Снова тупой разгон, пролетающий мимо лоб с мокрым пятком и жёлтыми клыками. Это начинало забавлять Тимофея. Вообще всё происходящее больше походило на бред сумасшедшего. Расскажи он кому, что участвовал в поединке с мутантами – кабанами, это же гарантированная смирительная рубашка! Голимая клиника. Он уже едва сдерживал смех. Это действительно напоминало помешательство. Вот только кабаньи морды были реальны!

Уйдя от упрямого натиска ещё несколько раз, Тимофей, наконец, решил перейти к активным действиям. Иначе этот спектакль грозил затянуться до бесконечности. Он осторожно, чтобы нападавшие не заметили подвоха и каких-либо изменений в поединке, достал нож, до сих пор болтавшийся в ножнах на поясе. Это был добротный охотничий нож, дамасской стали. Острый, как бритва и очень прочный.

Как бы ни были эти типы ему неприятны, он никого убивать не собирался. Поэтому, во время очередной атаки, уходя от столкновения с противником, он неуловимым движением полоснул по запястным сухожилиям, отведённой в сторону руки, сжимавшей оружие. Тоже самое удалось проделать со вторым нападавшим. Удивительно, но они казалось, совсем не заметили ранений. Их мозг был настолько примитивен, что не реагировал на причинённый ущерб. "Или у этих тварей совершенно отсутствует болевой порог. Хрен редьки не слаще. Получается, разрежь я их хоть на куски, они всё равно будут продолжать свои дебильные атаки". Тут он заметил, что у одного из "хомо-свинтусов" из раненой руки выпало оружие. Нож всё-таки достиг цели и разрезал сухожилия. Кисть его совершенно не слушалась. Он тупо уставился своими поросычьими глазками на руку. До него явно не доходило, почему это вдруг его пальцы разжались и отказываются держать оружие. Тимофею стало, даже немного жаль это нелепое создание. Каким образом, а главное, зачем природа сыграла такую злую шутку, создавая ЭТО?!

Но порассуждать на эту тему, ему не дали. До раненого, хоть с опозданием, но всё же дошло, что произошло! С диким рёвом он бросился на противника. Нападение было яростным. Произошло то, чего Тимофей опасался. Раненый зверь страшен, а раненый человек-зверь страшен вдвойне. Наученный опытом, на сей раз, он сразу остановился, как только в очередной раз промахнулся и сразу бросился в очередную атаку. Он визжал как его недорезанный сородич. Метался, повторяя атаки снова и снова не давая Тимофею ни секунды передышки. Его собрат, озадаченный таким поведением своего напарника стоял в стороне, меланхолично наблюдая за происходящим. Попробуй он вмешаться, ему просто не хватило бы места. Душераздирающий визг, атака за атакой, начали утомлять Тимофея. Несмотря на однообразное ведение поединка, противник брал своим упорством, выносливостью и яростью. Но ему ни разу, не удалось достать Тимофея. Зацепи он человека, поражение обеспечено в считанные секунды. Жуткие клыки не оставляли ни каких шансов. Во время очередной атаки, Тимофей, вместо того чтобы увернуться, бросился противнику под ноги. Как он и рассчитывал, "хомо-свинтус" поймал пустое место, споткнулся, потеряв равновесие, с хрипом покатился кубарем по порядку

вытоптанной земле. Он определённо выдыхался. Сказывалась сильная потеря крови. Тимофей вскочил на ноги и одним прыжком оказался у оброненного оружия. Пользуясь некоторым замешательством в стане врага, как следует, рассмотрел подобранное устройство. Одел его на руку, как одевали его "свино-люди". Рукоять удобно легла в ладонь, средний палец ощутил подвижную выпуклость. Тут опомнился стоявший до сих пор в стороне второй Тимофеевский оппонент. Но едва он сделал пару шагов, набирая скорость для нападения, Тимофей направил, надев на руку штуковину в его сторону и нажал на выпуклость оказавшуюся банальной кнопкой. Противник находился метрах в семи от него, когда сработало странное устройство. Надо сказать, что Тимофей сильно сомневался в правильности своего решения применить неизвестную машинку. Мало ли чем это могло оказаться. Может это прибор самоуничтожения. Ему просто не дали развить эту мысль. Если б у него было время, он вряд ли использовал этот предмет. А между тем эффективность приобретённого оружия, впечатляла. Когда Тимофей нажал на кнопку, пучок некой энергии всколыхнул воздух. Нет, никакого огня не было, не было и никаких выстрелов, как не было пресловутых лучей, а— ля звёздные войны. Содрогнулся сам воздух, пошёл волнами в сторону противника. Всё произошло мгновенно. "Хомо – хряк" издав визг недоумения, остановился, будто упёрся в невидимую стену, затем нелепо повалился на бок и застыл. Тимофей обернулся ко второму противнику и, не раздумывая, выстрелил в него. Он сам не понимал почему, но ЗНАЛ, что не убивает, а просто парализует противника.

Подойдя к первому поверженному, он убедился в своей правоте. Тимофей снял с его руки второй разрядник. Именно такое название этому оружию, почему-то пришло на ум. "Хомосвин" мерно дышал. Не понятно было лишь две вещи, спит он, или находится без сознания. Впрочем, в этом, не было ни какой разницы. Когда они придут в себя, тоже не понять. Тимофей не был хладнокровным убийцей. Если быть до конца честным, вреда ему, эти твари не причинили ровным счётом никакого. А то, что напали, так что с того? Он перевязал раненую конечность первому пострадавшему, остановив кровотечение. Собрал свои пожитки и не в силах больше смотреть на допущенное природой безобразие в лице "кабано-людей", тем более, что фотоаппарата, он как назло не захватил, продолжил свой путь в поисках деревни.

Глава 7

Противный дождь, совершенно не собирался прекращаться. Собственно это был не дождь, а нудная морось. Иногда вообще казалось, что это туман, только какой-то уж очень крупнозернистый.

Одежда промокла напрочь. Куртка набухла, пропитавшись влагой, а свитер и рубаха, неприятно прилипли к телу. Тимофей начинал замерзать. Спасала только быстрая ходьба.

Он уже совершенно потерял чувство времени. Голова разваливалась, тело сотрясалось от дрожи. Дело принимало серьёзный оборот. Если он в ближайшее время не найдёт деревню, может остаться здесь навсегда. Его довольно крепкий организм, начинал давать сбои. В голове шумело так, что Тимофея слегка покачивало. Всё чаще он стал оступаться. С каждым шагом, идти становилось всё труднее. Он даже не заметил, что опасно приблизился к довольно большому обрыву, нависшему над вышедшем из берегов, ручьём. Летом в сухой период, ручей, наверное, едва пробивался среди камней. Но весной и осенью, разливался в полноценную реку. Сейчас был, как раз такой период.

В голове шумел морской прибой. Перед глазами плыли круги похожие на солнечные блики на воде. Его неверные ноги стали совсем непослушными. Немудрено, что, в конце концов, они вывели своего хозяина к обрыву. Падение он ощутил совершенно отстранённо. Он снова плыл в море...

База находилась на такой глубине, где практически не было жизни и не, потому что было слишком глубоко, а потому что в этом море на определённой глубине, вместо воды, был сероводород. Это было очень удобно с точки зрения маскировки. Но вот дельфины дальше помогать не могли. Мальчику и Лине пришлось самим тащить Ларгоса до базы. Обычно на базу они попадали через проход, ведущий из слоя чистой воды. Но в данной ситуации этот путь был неприемлем. Шахта, ведущая на базу, была далеко, а время дорого. Поэтому пришлось рисковать.

Он смотрел на лежащего Ларгоса и не мог понять, отчего люди так жестоки? Ведь бедный эквин, не сделал им ничего плохого. Он по своей природе, не мог причинить вред. Это была мирная раса. Даже дельфины, давно это поняли.

Ларгос, так и не пришёл в сознание. Перемещать его из этого мира в таком состоянии было невозможно, хотя мальчишка не понимал, почему. Ведь он всё равно угасал. Лина не отходила от него ни на минуту. А ведь ей пришлось не сладко, когда из последних сил она тащила Ларгоса на базу. Он не мог полноценно ей помогать, потому что сам едва преодолевал давление и нехватку воздуха. Ведь он в отличие от эквинов не мог дышать под водой. К тому же на этой глубине было очень холодно. Его организм быстро терял температуру. Когда они добрались до базы, его жизни тоже угрожала серьёзная опасность, от переохлаждения. Получилось так, что Лине пришлось спасти их обоих. Теперь они лежали в одном отсеке. Только он находился в специальной, прозрачной камере, где автоматически поддерживалась его жизнедеятельность, а Ларгос лежал, укрытый специальным покрывалом и с каждым выдохом из него выходила жизнь. Лина плакала, что-то постоянно говорила любимому.

Ларгос умер, так и не придя в сознание. Маленький человек, всё ещё слабый, тоже плакал, и когда ему позволили выйти из камеры, он не отходил от Лины. Добрая эквинка, гладила его по голове своей перепончатой рукой и сквозь слёзы, что-то щебетала на своём языке.

Тимофей потерял чувство реальности. Он, то приходил в себя, то проваливался в тяжёлое забытё. И никак не мог понять, где находится. То ли на морской базе эквинов, то ли в тайге, лежащим в холодной воде, вышедшего из берегов ручья. Потом, вовсе всё смешалось. Появилось ощущение полёта. Но тут он ощутил сильные руки и понял, что его несут какие-то люди. Он пытался открыть глаза, однако эти попытки отдавались сильной болью, он снова впадал в глубокое забытё.

Он стал приходить в себя, от приятного запаха варёного мяса. Именно этот запах развеивал чары опутавшие сознание. Тимофей с трудом разлепил воспалённые веки, но увидел лишь занавеску, отделяющую каморку, где он лежал, от остального жилья. Запах щекотал нос и только теперь он осознал, насколько голоден. Тимофей попытался кого-нибудь позвать, но у него получился лишь слабый стон. Однако его услышали, только совсем не там где он ожидал.

Неожиданно для самого себя, он почувствовал как по его груди, что-то легко и, как не странно, приятно скользнуло и коснулось его лица. Вдруг он увидел в слабом свете, пробивавшемся из-за занавески, склонившееся над ним, красивое женское лицо! Рядом с ним под меховым одеялом лежала женщина!? Как только он это понял, сразу почувствовал её упругое тело, прижатое к нему. Её ноги обвивали его собственные, одна рука опёрлась о подушку, а другая, погладив его небритую щёку, нырнула под одеяло и бесстыдно расположилась ниже живота, нежно поглаживая его мужское естество. Оказывается, он лежал совершенно голый! Он не в силах был сопротивляться такой откровенности. Но если быть честным до конца, не очень то и хотелось останавливать эту женщину.

Одной ногой она раздвинула его ноги, её рука полностью овладела тем, чем дорожит каждый мужчина, наполняя его волнующим желанием. Странно, но ему не было стыдно. Женщина улыбалась, обнажив ряд ровных, белых зубов. Её иссиня чёрные, распущенные, длин-

ные волосы, рассыпались по лицу Тимофея. Потом губы её приблизились, коснулись его щеки, носа, наконец, сладкий и откровенный поцелуй покрыл его губы. Он не мог не ответить. Помимо его воли язык скользнул по её зубам и языку. Она застонала. Его руки легли на её плечи. Под пальцами ощущалась нежная бархатистая кожа. Руки опустились ниже, обняли сильные, тугие бёдра. Она снова застонала, а потом вдруг прошептала на ухо:

– Я вдохну в тебя жизнь! – и как змея скрылась под одеялом.

Она стала целовать его грудь, посасывала соски, перешла на живот, всё ниже и ниже. Руки её не останавливались ни на минуту, глядя его бёдра и промежность, а язык уже скользил по низу живота. Когда она дошла до самого главного, сознание Тимофея растворилось в окружающем пространстве, повинувшись лишь толчкам и пульсациям, сотрясающим саму вселенную!

Запах варёва снова пробудил его. Теперь он понимал, что если сейчас не съест чего-нибудь, его ждёт голодная смерть. Вообще, это было похоже на пытку. Чувствовать ароматы еды, в то время как организм, Бог знает, сколько не принимал пищи.

Он приподнялся на локтях и с удивлением отметил, что силы, хоть не до конца, но вернулись к нему. Тело становилось послушным. И тут он вспомнил о черноволосой красавице! Им мгновенно овладело чувство стыда. Но появилось сомнение, было ли это на самом деле? Тимофей отбросил в сторону мокрое, пропитавшееся насквозь его потом одеяло и обнаружил, что он до сих пор голый. Всё было по-прежнему, не хватало только её, в чьём существовании он начинал сомневаться. Сновидения последнего времени, отличались особой реальностью, а отнести к ним существование прекрасной незнакомки, не составляло особого труда.

Свою одежду Тимофей нашёл аккуратно сложенной рядом с кроватью. Она оказалась постиранной и даже высушенной.

"Сколько же времени я тут провалялся?" Подумал Тимофей и начал одеваться, периодически давая себе отдохнуть. Сил все-таки, было слишком мало.

Как приятно было, за столько времени блуждания по тайге, купания в болоте, принятия душа, в виде надоевшего до омерзения дождя, одеть чистое и сухое бельё.

Откинув занавеску, скрывающую его постель, первое, что увидел Тимофей, была печь, с дымящимся на ней глиняным горшком. От доносившихся запахов, кружилась голова. Однако отсутствие хозяев не позволяло распорядиться в чужом доме по-своему. Он решил пока осмотреться.

Сквозь крохотное окно, в кухню поступало очень мало света. Стены и без того давно не беленые, в этом полумраке, совсем выглядели тёмными или закопчёнными. Нехитрая обстановка, состояла из стола, стоявшего у окна, пары табуреток и самодельного, сделанного из досок буфета, притулившегося у стены. Низкий потолок, да не крашеный, застеленный домоткаными половиками пол. Вот и всё убранство. Заглянуть в смежную комнату Тимофей не успел. Скрипнула входная дверь и в дом вошла старуха. Её согбенная, маленькая фигурка, невольно ассоциировалась с Бабой Ягой. Только скуластое лицо с раскосыми глазами, указывали на её принадлежность к коренным северным народам. А Баба Яга, как известно, чисто русский персонаж. Хотя, может ли иметь нечисть, национальную принадлежность? Лицо старухи, было испещрено сетью морщин, глаза неопределённого цвета, словно покрыты плёнкой, казались мутными и слепыми. Однако Тимофея она увидела сразу, как только вошла. Её улыбка окончательно убедила корреспондента, относительно отсутствия национальности у нечистой силы. Один единственный, целый, хоть и гнилой зуб, страшно торчал из – под нижней губы. Тимофей улыбнулся в ответ, а старуха спросила неожиданно чистым голосом:

– Ожил, однако, человек?

– Похоже, жить буду, бабушка.

– Тело крепкий, дух хороший, долго жить будешь.

– Спасибо, бабуля, за добрые слова, – Он хотел сразу перейти к просьбе о еде, но отчего-то постеснялся. За то бабушка, божий одуванчик, дай Бог ей здоровья, сама предложила:

– Тело крепкий. Но три дня лежал. Жизни мало осталось. Кушать надо, однако. Или не хочешь? – она неожиданно лукаво, уставилась на него.

– Хочу, бабушка. Проголодался ужасно! Три дня говорите?

– Три дня лежал. Шибко хворый был. Жар был. Горел совсем. Теперь огонь нет, – С этими словами она бесцеремонно приложила свою сухую костлявую ладонь к его лбу. – Совсем огонь нету. Хорошо! Только кушать, теперь мал-мал надо. Много нельзя. Да травки попить сперва, потом кушать.

– Травку попить, это хорошо. Можно и травку. – Тимофей был согласен на всё, лишь бы побыстрее приступить к еде.

Старуха сняла с печи котелок, нацедила через марлю полную берестяную кружку, густого парящего, тёмного настоя.

– Пей. Всё пей.

Тимофей взял из её рук, необычную, берестяную, прекрасно защищающую от ожога кружку и сделал глоток. Пойло, мало того, что было невероятно горьким, но ещё с таким противным привкусом, что он едва не выплюнул его.

– Господи, что это? – скривившись от отвращения, спросил он.

– Травка, – Просто ответила старуха. – Ты пей, шибко хороший травка. Силы много даёт. Не дыши – пей. Всё выпить надо.

Тимофей, преодолевая дурноту, с горем пополам осилил настой и отдал кружку старухе. Аппетит пропал начисто.

– Теперь полежать мал-мал надо, потом кушать. Иди, отдохни, однако.

Тимофей не думал сопротивляться. Он прошёл к себе за занавеску и без сил упал на кровать.

Интересно то, что тошнота прошла практически сразу. А ещё через некоторое время вернулся аппетит, и разгорелся, кажется с новой силой. Тимофей, не долго думая, поднялся и вошёл в кухню.

К его удивлению стол был уже накрыт.

– Тебе теперь очень мало кушать надо, – сказала старуха и, усадив его за стол, поставила перед ним, глубокую глиняную чашку с мясным бульоном.

Тимофей буквально набросился на еду. Но тут старуха перехватила его руку с ложкой, и он встретился с её укоризненным взглядом.

– Не надо быстро кушать. Плохо! Мало надо. Потом ещё, больше. Пока привыкать живот. Ему стало стыдно за своё нетерпение. Но теперь он не торопился.

– Бабушка, а где та девушка, которая ко мне приходила? – спросил Тимофей, в надежде, что ему это не пригрзилось. Однако, если быть откровенным, он сам не знал, что лучше. Чтобы это было плодом его больного воображения, или явью.

– Девушка? – подняла на него свои мутные глаза бабка. – Видел, значит?

– Конечно, видел! – Тимофей был удивлён таким вопросом. Не мираж ведь к нему приходил, живой человек.

– Не всякому можно увидеть Маси. Если сама не позволит. Тебе позволила, понравился, однако. Плохой ты был, совсем плохой, холодный совсем. Жизни мало-мало осталось. В ручье лежал много. Я сама её звала. Приходила она два дня тебя грела. Вчера ушла. Говорила, теперь жить будешь. Правду говорила. Хороший шаман Маси.

– Она шаман?

– Все шаман! – почему-то перешла на шёпот старуха. – Дед шаман, отец шаман, теперь она шаман. Очень сильный шаман. Камлает (шаманит) сейчас. Духов просит, чтобы тебя лечить хорошо. Понравился, однако, – опять повторила бабуля и обнажила в загадочной улыбке, свой единственный зуб.

– Камлает?

– День с духами говорит, ночь ещё говорить будет.

– А посмотреть можно? – Тимофей даже есть перестал. Ему приходилось в своей жизни видеть шаманские обряды, так называемые камлания. Но ещё ни разу он не встречал женщин шаманок. Тем более таких молодых, к тому же проводящих этот священный обряд ради него самого.

Бабка вдруг с суеверным страхом посмотрела на него. Встала из-за стола, молча стала собирать посуду.

– Так, что бабушка? Можно или нет?

– Хочешь, иди. Я, нет. Если понравился, беды не будет.

– Покажете куда идти?

– Что показывать? Прямо выйдешь, по тропе иди, не заплутаешь.

"Тут у вас не заплутаешь", подумал Тимофей, вспомнив свои мытарства. Однако соблазн был настолько велик, что он, не мешкая, стал собираться в дорогу.

Было, безумно жаль, что вся аппаратура осталась в машине. В данный момент пришлось довольствоваться лишь блокнотом и авторучкой. Накинув на себя свою куртку, он не забыл захватить с собой, на всякий случай, один из разрядников, позаимствованный у "кабаноголовых". Когда он взял его в руки, то почувствовал странную связь с чем-то нереальным. Даже прекрасно помня, тот дурацкий поединок с этими тварями, по прошествии времени, это всё же казалось бредом. Но сейчас он держал в руках, прямое тому доказательство! В другое время он никогда не стал бы брать с собой оружие. Будь оно земное или как сейчас, непонятно чьего производства. Но в данный момент, он был, ещё очень слаб и прекрасно понимал, что новой встречи с кабаньими родичами, может просто не выдержать.

Вооружившись, таким образом, всем необходимым, в том числе, неизвестным на земле оружием, он, чувствуя себя в относительной безопасности, ступил на указанную бабкой тропку.

Глава 8

Дождь продолжал идти, будто не было этих трёх суток, которые он провёл без сознания. Хотя сказать, что совсем уж без него, этого самого сознания он провёл эти дни, было нельзя. Он прекрасно помнил присутствие в своей постели, молодой женщины, оказавшейся шаманкой. Если до разговора с бабкой он ещё сомневался в том, что это не бред, то теперь его сомнения развеяны. Она БЫЛА! Она ЕСТЬ! И сегодня он её увидит. Как бы он не успокаивал себя, не говорил самому себе, что идёт лишь посмотреть на камлание. Что это ему интересно только с точки зрения исследователя. Он прекрасно понимал, что сам себя обманывает. Он жаждал увидеть ЕЁ! Предстоящая встреча волновала и будоражила нервы настолько, что он не замечал мерзкого дождя, уже основательно пропитавшего его так называемую, непромокаемую куртку. Воспоминания о той незабываемой встрече, с черноволосой незнакомкой совершенно выключили окружающее. Он видел перед собой лишь тропу, ведущую к ней. К той, чьё тело, такое тёплое, сильное и упругое, вместе с тем такое нежное, он помнил. Почему-то именно сейчас он вспомнил всё до мельчайших подробностей. Её волосы, разбросанные по подушке, пахнущие травой, хвоей и ещё чем-то невыразимо – приятным. Совсем ещё девичью, упругую грудь, с набухшими от возбуждения, тёмными сосками. Странные, бирюзового цвета глаза и слишком смуглую для севера кожу. Такие желанные, манящие губы, их безумно приятные прикосновения. Только сейчас он осознал, как она не была похожа на аборигенов. Чья кровь могла течь в жилах женщины живущей в такой глуши?

Его воспоминания текли приятным, медленным потоком, отдаваясь в голове мерными приливами. Сначала он подумал, что его ослабленный организм, опять начинает хандрить. Но потом понял, что это вовсе и не кровь стучит в ушах. Он слышал в глубине леса, моно-

тонный ритм шаманского бубна! Тимофей невольно остановился. Воспоминания испарились мгновенно. Да простит его молодая шаманка, в нём снова проснулся исследователь.

Осторожно, чтобы не помешать языческому таинству, Тимофей раздвинул кусты. Пока он не собирался себя обнаруживать.

Поляна, которая предстала взгляду Тимофея, была обрамлена корабельными соснами. Только с той стороны, где находился Тимофей, густой кустарник помогал остаться незамеченным. Ему хорошо был виден сосновый сруб небольшой избушки. Домик этот, надо сказать, очень походил на сказочную избушку на курьих ножках. И совсем не, потому что находился в глухом лесу, напоминавшем сказочный. Всё было гораздо прозаичней. Но это только для человека, знакомого с традициями некоторых северных народов. Тимофей уже встречался с подобной архитектурой. Сруб избушки, четырьмя своими углами опирался на прочные листовенные сваи и возвышался над землёй, на полтора метра. Это делалось, для того чтобы не гнили нижние венцы строения, в условиях вечной мерзлоты. Но если не вдаваться в практические подробности, впечатление создавалось, прямо скажем – сказочное.

У входа в избушку были воткнуты в землю два кола, каждый метра по три в высоту, на концах, которых красовались черепа животных. Насколько Тимофей мог догадаться, черепа были лошадиными. Ещё на этих жердях имелись всякие предметы, такие, к примеру, как куски шкур животных, полоски кожи и изделия из железа. Из своих прошлых, многочисленных встреч с шаманами, Тимофей знал, что все эти предметы символизируют гриву хвост и копыта, а железяки стремена, меч, топор, молот, наконечник стрелы. Собственно это они и были, только в миниатюре.

Если приплюсовать сюда, костёр, горевший посреди поляны, и исполняющую ритуальный танец шаманку с бубном в руках, как есть покажется, что перенесло тебя, если не в сказку, то, как минимум во времена языческие.

Облик самой шаманки, был не менее экзотичным и страшным одновременно. Её голову венчал шлем с оленьими рогами. На лице страшная кожаная маска с огромной бородой. Одетая шаманка была в меховой костюм, по бокам и сзади которого свисали ленты из меха различных животных, своей расцветкой имитирующие мех белки, ласки, горностая. В руках она держала большой шаманский бубен, в который ритмично била палкой. При этом, свисающие с её костюма ленты, хвосты, борода, извивались как живые. Всё это вращалось, переливалось, словно жило. В совокупности с создаваемым ей ритмом, дикая пляска носила характер некоего спектакля, торжества свободы полёта.

Обычно у шаманов считается, что камлание в одиночестве, не очень эффективно, духи помощники работают лучше, когда присутствует больше народа. Поэтому, Тимофей был несколько удивлён, что на поляне, больше никого не было.

Он не знал, что ему теперь делать? То ли выйти на поляну, то ли продолжать сидеть в кустах, в ожидании завершения камлания. И то и другое, казалось несколько неудобным. Словно он подглядывает в замочную скважину. Однако выходить он всё же не торопился, решив пока понаблюдать за процессом.

Бум-бум, бум-бум-бум, летело над поляной и терялось где-то в лесной чаще. Вихрь лент, хвостов, кружил в этом ритме, завораживал, звал с собой в фантастический полёт. Удары собственного сердца слились с шаманским ритмом. Появилось ощущение полной зависимости пульсаций организма с пульсацией бубна. Его несло, кружило, вращало, втягивало в вихрь танца, превратившегося в полёт по иным мирам. Звёзды, созвездия, туманности, странный хоровод планет и эмоций. Тимофею было, как никогда легко. Как не странно всё происходящее, несколько не удивляло. Девушка со странным именем Маси не держала его за руку, она находилась где-то рядом, а если быть точней, они слились в едином вихре. Он был как бы частью её. Это придавало сил, помогая ему лететь из вакуумного, холодного мрака, к светлой спирали родной галактики.

Сколько это продолжалось? Минуту, день, столетие, не имело ни какого значения. Время как таковое, просто отсутствовало. Оно превратилось в некое измерение, которое в реальной жизни мы или не воспринимаем, или осознаём совершенно не так. Не было ни прошлого, ни будущего. Было только ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС!

Тимофей ни сколько не удивился, когда, открыв глаза, увидел её лицо. Только странная грусть отяжелила душу. Он лишился чего-то, что только что было частью его сущности. Похоже, они действительно были одним целым, только не в этой, а в другой реальности.

Он лежал на меховом покрывале, посреди поляны, а рядом потрескивал костёр. Маси сидела рядом, и не отрываясь, смотрела на огонь. Что она видела в этой пляске языков пламени, было известно только ей одной. Жуткого шаманского одеяния, на ней уже не было. Одея она была вполне по-современному. Мягкий шерстяной свитер, джинсы и кроссовки. Тимофей с удивлением обнаружил, что дождя совсем нет. Более того, поляна была обласкана, по-летнему тёплыми лучами, предзакатного солнца.

– Ты совсем здоров, – неожиданно произнесла она, мягким нежным голосом. – Ещё слаб, но здоров. Я всё сделала, что смогла.

– Маси... – ему хотелось сказать этой девушке, как он ей благодарен, как много она для него значит, и как мало он о ней знает. Многое он хотел сказать, но слова почему-то комом стояли в горле, казались совершенно ничего незначащими. Не существовало таких слов, способных описать то, что он чувствовал. Ни дружба, ни взаимная привязанность, ни даже любовь, не подходили для описания той бури эмоций, которую он сейчас испытывал. Это было совершенно незнакомое ему чувство. Словно какую-то часть его собственного Я, он потерял безвозвратно.

– Не говори ничего. Я знаю! – Маси продолжала смотреть на костёр, слова лились так, будто она их читала в огне. – Это я тебя позвала. Ты много знаешь, только забыл. Но ты обязательно вспомнишь. Я разбудила змею, она поможет тебе найти себя. Теперь ты должен идти. Много случится плохого у тебя на тропе. Но пройти по ней необходимо. Иначе не найдёшь то, чего ищешь всю жизнь, – эти слова, похожие на бред, гулко и тяжело падали в его сознание. – Возьми это, никогда не снимай, оно не даст змее впасть в спячку, – с этими словами она разжала свою ладонь, на которой лежало кольцо удивительной работы, с вправленным в него изумрудом, холодного зелёного цвета и великолепной огранки. Камень блеснул в солнечных лучах, весело заиграв всеми оттенками зелёного.

– Про какую змею ты говоришь? – спросил Тимофей, протягивая руку Маси.

Она, молча, будто не слышала вопроса, надела кольцо ему на средний палец. И тихо сказала:

– Камень Изиды. Он укажет истинный путь к твоему будущему и откроет память. Хотя всё предопределено. Нет ни прошлого, ни будущего. Есть только здесь и сейчас. Следи за его изменениями, он способен предупредить об опасности.

Странно было слышать эти слова, из уст другого человека. Ведь он сам, только что об этом думал. Более того, он это ощущал собственной шкурой.

Между тем, Маси подняла бубен, повернула к Тимофею лицевой стороной, и он увидел стилизованный рисунок на его натянутой коже.

Тимофею, не однократно доводилось наблюдать шаманские обряды. Он видел множество рисунков нанесённых на бубны, слышал истории, легенды с этим связанные.

Самым распространённым мотивом рисунков на бубнах, это путешествие шамана в мир духов и символика с этим связанная. Как правило, на коже шаманских бубнов, изображаются три сферы мироздания. Это небо, земля, преисподняя. Все три сферы, хоть различны и разделены, как правило, символами луны солнца или звёздами, всё же связаны друг с другом. Обычно эта связь определялась изображением мирового дерева. Корни его находятся глубоко в преисподней, ствол и ветви в мире людей, а вершина уходит в небо. По этому дереву, шаман

мог совершать свои путешествия, во время обряда камлания. На всех уровнях, изображены существа, населяющие тот или иной мир. Небо связывалось с птицами, земля с населявшими её животными и людьми, в нижней же части изображались змеи, рыбы, ящерицы. Каждый уровень, по шаманскому строению мира, имел своих духов. Сами шаманы, тоже делились на белых и чёрных. В зависимости от того, к каким духам они обращались за помощью, во время камлания. Из верхнего мира, значит, шаман белый, из нижнего, соответственно чёрный. Что интересно, это разделение, на чёрных и белых шаманов, не делило их по признаку чёрный – злой, а белый – добрый. Более того, духи верхнего мира, считались по большей части бесполезными в решении человеческих проблем, даже пассивными, в то время как духи нижнего мира – деятельны, более связаны с людьми, с ними легче можно было договориться. В своём путешествии по дереву мира шаман, даже белый, вполне мог прибегнуть к помощи духов из нижнего мира.

Рисунок на бубне Маси не слишком отличался от подобных, традиционных рисунков. То же самое дерево, соединяющее три мира, с населяющими их сущностями. Ствол дерева обвивала змея. По шаманским поверьям с помощью этой змеи, шаман путешествует по всем трём мирам. Маси указала на змею:

– Вот змея, которую я разбудила. Не дай ей опять уснуть, и она поможет. Это всё, что я могу тебе сказать. Ты сам всё должен понять.

Тимофей смотрел на извивающееся вокруг ствола, тело змеи и не мог отделаться от мысли, что он уже видел нечто подобное. Только вот где? Одно он знал точно, это нечто, виденное когда-то, не было связано с шаманской символикой.

Маси поднялась и сказала:

– Теперь ты должен идти.

– Мы увидимся когда-нибудь? – он не надеялся на положительный ответ. Более того, вопрос прозвучал как крик отчаянья. Как мольба обречённого.

Она молчала. С таким же успехом он мог спросить у камня "Что с нами будет?" Камень не ответит. Маси лишь тихо прошептала:

– Уходи!

Было понятно, что большего он от неё не добьётся. Ему ничего не оставалось, кроме как уйти не оборачиваясь.

На сердце лежал огромный камень. Стоило ли ему идти к шаманке, чтобы уйти от неё с такой тяжестью?

Он отошёл от места камлания на довольно приличное расстояние, когда погода, будто насмехаясь над ним, снова испортилась, соответствуя его настроению, разразилась слезами, упавшими на его голову в виде мелкого дождя. До дома старухи Тимофей дошёл довольно быстро. Хозяйка встретила его радостно, как – будто сомневалась в том, что ему удастся уйти живым от шаманки.

– Пришёл! Хорошо, однако. Ужин кушать надо, – сказала она, показывая на накрытый стол.

Тимофей снял мокрую одежду, вымыл руки и лицо, ледяной водой из умывальника, подвешенного на стене в сенях, и подсел к столу.

На этот раз бабуля не запрещала взяться за еду основательно. А он не собирался отказываться от предложенных разносолов. К тому же желудок после трёх дней голодания, не обманешь бульончиком, пускай мясным и сытным, но все же пустым. В добавок ко всему, съеденным ещё утром.

– Бабушка, вы случаем не знаете, где тут по близости, найти человека, который помог бы мне притащить и отремонтировать мою машину. – Спросил Тимофей, уминая за обе щеки отменно приготовленную оленину.

– Илья помочь мог, в тайге он, однако. Если только Васька, сын его сможет, но хворый он. А далеко машина твоя?

– Далеко! Из Большеречья я ехал, да вот сломался.

– Где это, Большеречье твоё? Не слышала я такого.

Тимофея бросило в пот. Он даже есть перестал. Чтобы старуха аборигенка, прожившая всю жизнь в этих местах, и не знала округу на сотни километров? Да быть такого не может!

– Вообще-то я два дня к вам пробирался. Если б не болото, раньше пришёл. Пока переходил, устал очень, пришлось заночевать.

– Ты через болото ходил? – чуть ли не шёпотом спросила старуха.

– Конечно, а как ещё?

Бабка осенила себя непонятным знаком. Тимофею сначала показалось, что она собирается перекреститься, но это было нечто другое, незнакомое и как понял Тимофей, очень древний оберегающий жест.

– Повезло тебе, шибко повезло. Страшное болото. Много люди гибли. Нехороший духи там, – она говорила очень быстро, от этого почти совсем непонятно.

– Значит, мне точно повезло.

– Кто знает? Духи не оставят того кто их потревожил. Уходить тебе надо. Беда будет.

– Завтра уйду. Не беспокойтесь бабушка. Только подскажите, где Ваську найти.

– Покажу. – После упоминания о болоте, старуха всем своим видом давала понять, что ему надо как можно быстрее покинуть её дом.

В эту ночь он долго не мог уснуть. В голову лезла всякая чертовщина. "Если старуха не знает Большереченского района, это конечно еще ни о чём не говорит. Однако выглядело это так, будто пройдя болото, я очутился в другом мире. Чувшь конечно, но где та грёбанная деревня Петровка, обозначенная на карте, и откуда взялось болото? Опять же непонятные слова шаманки: – "Это я тебя позвала..." – Их как понимать. А если ко всему этому добавить ещё кабано-головых... Эх, плачет по тебе психушка Тимоха!" Сразу вспомнился В.С.Высоцкий:

– "Тут прибежали санитары
и зафиксировали нас".

"Говорить, что всё это произошло с тобой, на самом деле, то есть писать от первого лица, точно не стоит. Но как материал для книги, очень даже ничего".

Занавес, закрывавший проход в комнату, где он спал, призрачно колыхался и действовал как маятник гипнотизёра. Тимофей повернулся на бок". Верно, говорят: – утро вечера мудреней. Завтра найдём знатока местной тайги – Василия. Бог даст, поможет". Вспомнилась Маси. "Что за странное имя? Нужно будет покопаться в соответствующей литературе. Северные народы, ещё со времён первых русских поселенцев, стали брать русские имена, благодаря влиянию церкви. Конечно, шаманы оставались, далеки от Христианства и продолжали использовать имена своих предков. Поэтому, было естественно, что имя молодой шаманки, не какая-то Фрося, Даша, Катя, Маша, которая со своим образом жизни, была далека от светской жизни, пусть богом забытой, но части России. Однако Маси!?! Такое имя он слышал впервые. К тому же Маси была вполне европейского типа, если говорить о расовой принадлежности. Да черно-волоса, но пронзительно – голубые, даже бирюзовые глаза, без всякого намёка на монголоидный разрез. В своих джинсах и футболке, она походила, скорей на студентку практикантку, но никак не на шаманку.

Глава 9

Утром старуха накормила его завтраком, причём за всё время не произнесла ни единого слова. Упоминание о пройденном болоте, явно внесли свои поправки в отношения с гостем. Становилось ясно, что его дальнейшее пребывание в этом доме, она расценивает, как опасное.

Тимофей не собирался её в этом переубеждать. Собрал свои пожитки и, добившись от неё более– менее ясного объяснения, где искать вышеупомянутого Василия, отправился на его поиски.

Странным было то, что народ здесь жил не в одной деревне, как следовало, а отдельно друг от друга. Это походило не на поселение, а на разбросанные по тайге заимки. Вот сейчас Тимофей шёл по тропинке, петляющей меж деревьев, а вокруг не было и намёка на человеческое жильё. Радовало только то, что тропинка была основательная, не звериная. Ей явно, часто пользовались.

Наконец извилистый путь привёл его напрямик к ветхому забору, за которым среди деревьев угадывался деревянный сруб дома.

– Хозяева! Есть, кто дома? – крикнул Тимофей, когда нашёл калитку у этой непонятно для чего построенной ограды. Весь покосившийся, кое– где едва державшийся на столбах забор, не способен был защитить ни от зверья, ни от человека.

Его вопрос остался без ответа, и Тимофей решительно вошёл во двор. Его уже начали одолевать сомнения по поводу того, что он найдёт тут хоть кого-нибудь, когда, ещё не дойдя до крыльца, он увидел в окошке заросшее щетиной лицо. Лицо быстро исчезло и скоро появилось, в проёме входной двери, вместе со всем остальным, что прилагалось к нему по прихоти природы. А природа, в день творения, этого всего остального, вероятно, не была озабочена какими либо другими делами, возможно по этой причине, занималась этим созданием плотно и основательно, вероятно надеясь произвести на свет нечто особенное. Это, надо сказать, ей удалось! Таких людей Тимофею встречать, ещё не доводилось. Он сам был высок, под метр восемьдесят пять. Выглядел при таком росте далеко не худым, хоть жира лишнего не имел. Однако хозяин этого домика, именно домика, потому что появление на крыльце человека таких габаритов, делало дом визуально в два раза меньше. Так вот, он был огромен! Как минимум на две головы выше Тимофея. В плечах раза в два шире. На нём была одета не застёгнутая меховая безрукавка, которая не скрывала мощной груди и рифлёного живота без намёка на жировые складки. На ногах камуфлированные штаны армейского образца, так полюбившиеся в последнее время всему мужскому населению страны, от охранников до строителей и армейские же ботинки с высокой шнуровкой, так называемые берцы. Голые руки, применительно к Тимофею, в объёме не уступали его ногам. В общем, рядом с ним Тимофей казался сам себе мелким и тщедушным. Хотя с уверенностью можно было сказать, что Шварценеггер, оказись он рядом, испытал бы те же чувства, вместе с разочарованием по поводу бесполезных многолетних тренировок. Такого эффекта, тренировками добиться нельзя. Такое способна создать лишь природа мать. Да и то если у неё найдётся для этого время и разрешение Господа Бога. В данном случае, все это у неё точно имелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.